

Борис МАРКОВСКИЙ **БЕРЕГ**

Борис
МАРКОВСКИЙ

БЕРЕГ

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
КОЛЛЕКЦИЯ ПОЭЗИИ И ПРОЗЫ

Publish^{PRO}

Борис
МАРКОВСКИЙ

БЕРЕГ

избранное

Киев, 2022

УДК 821.161.1(477)'06-1
МЗ4

Марковский Б.

МЗ4 Берег — ФОП Лопатина О.О., Киев: 2022, 308 с. —
(Серия «Современная литература. Коллекция поэзии и прозы»).

ISBN 978-617-7533-96-1

В новую книгу Бориса Марковского вошли стихи, написанные в последние годы, проза, а также стихи и избранные переводы из предыдущих книг.

УДК 821.161.1(477)'06-1

© Б. Марковский, 2022
© ФОП Лопатина О.О. (Киев), 2022

**ИЗ СБОРНИКА
«В ТРЕХ ШАГАХ ОТ СНЕГОПАДА»**

Случайные строфы

1

Зима всю ночь рисует на стекле
фламандские тяжелые узоры,
дремучие норвежские пейзажи,
суровые готические крыши,
украшенные инеем и даже
порою пишет вязью в уголке,
объединив два разных алфавита,
слова на арамейском языке,
уже не помня, видимо, иврита.

2

Нам не хватает фауны и флоры
в фарфоровом от снега феврале,
их заменяют карты, разговоры,
тяжелые муаровые шторы,
на ум приходят (дело в рифме) шпоры
или поездки к морю в «Шевроле»...

3

Здесь повсюду глыбы льда...
Спите, звери Зодиака,
вам нельзя входить сюда.
Знаю, Тигр или Собака
мне не причинят вреда.

Жизнь, казалось, никогда
не закончится, однако
в небе дрогнула звезда
где-то там, в созвездье Рака,
и исчезла навсегда...

Ветер. Снег. Светло и пусто.
Никого. Один. Так надо.
Юность, молодость, искусство,
всё — лишь промельк снегопада.

Хлопья падают так густо —
в трех шагах не видно сада...
Помнишь, у Марсея Пруста?
Или — у маркиза Сада?¹

Снегопад приводит в чувство,
он — как высшая награда...
Вполнакала светит люстра
в трех шагах от снегопада.

---

¹ Абсолютно согласен с мнением критика Л., выступившего в защиту маркиза де Сада в том смысле, что ежели маркиз, то обязательно с *де*, а ежели без *де*, то какой же он к чёрту маркиз.

5

Ветер. Ночь. Забор. Качели.
Снег. Чугунная ограда.
Я стою почти у цели —
в трех шагах от снегопада.

Лампа светит еле-еле,
гаснет без предупрежденья...
Я стою почти у цели —
в трех шагах от поражения.

На стене — фарфор из Гжели,
сувениры из Торонто...
Я стою почти у цели —
в трех шагах от горизонта.

Поэты

1

Эмилю Голубу

Увы, никто не позовет,
как некогда сказал Мицкевич
у стен печальных Аккермана.

Ты прав, таинственный бездельник:
друзья разбросаны по свету,
их нет, они как сон пустой...

А это кто? Шагает прямо,
хотя с утра с портвейном спорит —
прямой потомок Мандельштама...

Стишок трагический чирикнул
и скрылся в розовом тумане
поэт, известный всей округе...

Из подворотни знак масонский
мне подает какой-то щёголь —
еврейский нос, язык как шпага,
на Мефистофеля похож.

За ним — кудрявый Илличевский
стихи волнистые читает...

2

Друзья, прошу, не исчезайте,
не уходите насовсем,
стихи печальные читайте
или отрывки из поэм
и говорите, говорите
ночь напролет, пока звезда...
Но только сердце мне не рвите,
не уходите навсегда.

3

Иерархические бредни.
Приморский город. Кавардак.
Магнолии... Поэт в передней
снимает клетчатый пиджак
и хриплым голосом читает
стихи о дружбе, о любви...
О как мне всех вас не хватает,
друзья далекие мои!..

4

Игорю Павлову

Ветхозаветная картина.
Почти библейская луна...
Жизнь, смерть, поэзию до дна
пьет из летецкого кувшина
библейский старец у окна.

Стансы

I

Сентябрь сгорел наполовину,
уже мерещится февраль...
Пока небесная эмаль...
Пишу письмо калмыку-финну,
рифмую слезы и слова.
Не вы ль? Увы, не вы... Нева
в гранитный берег бьет волной,
и Днепр широкий в дымке тает...
Листок летит над головой —
куда, зачем? — никто не знает.

II

Казалось, жизнь давно прошла.
Листва поблекла, облетела...
Три ивы, чахлая ветла,
но мне-то, мне какое дело
(как говорил один пиит)
до госпитальных этих плит,
до этих плакальщиц-берез,
до сумасшедших этих сосен...
Листву последнюю мороз
скосил, а я-то думал: осень.

III

Увы, не пастырь, не пастух...
Зачем, седобородый мальчик,
в кругу кладбищенских старух
сидишь, один?.. Айда в подвальчик!

там наливают... раз-два-три...
повсюду мраморные жилки,
горит окошечко внутри,
торчат железные опилки,
горчит вино, и карамель
во рту... Февраль?.. Или апрель?

IV

Я так скажу, лицом суров:
вам нужен флаг, мне нужен кров!
Я помню сумрачное лето —
смесь Боттичелли и Ватто
(спасибо, Господи, за то,
что подарил мне столько света!)
и мрачный деревенский дом,
где муравьи, как самураи,
ползли сквозь влажный бурелом
вдоль бревен дряхлого сарая.

V

Еще не там, уже не здесь,
еще нигде, уже повсюду,
как этот клен полураздет,
клянусь: я был, я емь, я буду!
Мне кажется, я был всегда...
Опять железная звезда
с лицом буряты иль монгола
взойдет над жертвенной Землей,
чтоб пасть на города и сёла,
покрыть их царственной золой.

* * *

Похоже, осень за окном...
Поэт, один, в пространстве комнат
(его никто уже не помнит)
сидит за письменным столом,
глядит на меркнущий закат,
перебирает письма, даты,
бормочет: «Все мы виноваты...
никто, никто не виноват...»

* * *

О, ангел мой, не в том вина,
что с небом ты помолвлена,

а в том, мой друг, вина твоя,
что небо делишь надвое.

И потому твоя вина
была во сне мне явлена,

что ночью от вины твоей
в пути становится светлей.

* * *

Каллиграфическая осень...
Похоже на какой-то праздник.
Как будто некий дирижер
взмахнул рукой, и закружились
деревьев белые манжеты...
Повсюду флаги и цветы.
Узорчатые тротуары,
и подворотни в дымке серой,
как на старинном фотоснимке...
Прощальные анжамбеманы...
Деревьев траур золотой.

* * *

Еще не сказанное слово
слезами душу тяжелит.
Уже сорваться с губ готово,
уже перу принадлежит.

Уже витийствует, пророчит,
бормочет что-то про успех
и выжить хочет, выжить хочет,
чтоб плакать на виду у всех.

Семья Марковских

I

Семья Марковских в полном сборе
сидит за праздничным столом.
Всё в серебре и мельхиоре,
и ёлка блещет серебром.

Всё в серебре, — скажи на милость! —
на тонких ниточках шары,
как будто детство возвратилось
в квартиру девочки-сестры.

И вот, красивый и безгрешный,
под новогодний смех и шум
с какой-то радостью нездешней
встает задумчивый Наум.

Он говорит, ему внимают,
все аплодируют ему,
и всё плохое отступает
в недостижимую тьму.

II

Матери

Платье лимонное из крепдешина...
Помнишь, бывало, и ты наряжалась?
В зеркале таяла и отражалась,
утром опять на работу спешила.

Всё перепуталось, перемешалось,
детство пропахло твоими руками.
Помнишь, как море сияло над нами,
всё в серебре, как оно поднималось?

Вспыхнет черешня на грешной ладони,
вновь заблужусь в твоём ласковом взгляде,
столько вместившем, умру на перроне —
не умирай, как тогда в Ленинграде.

Вечно живи в довоенной квартире!
Свет твоих глаз да пребудет со мною
в этом огромном безжалостном мире,
в памяти, не опаленной войною.

III

Осень, отстань! Сатанинская щедрость листвы,
мне враждебны твои бесшабашные узкие ласки.
Не сносить головы! Я от лиц и от улиц отвык,
и от птиц, и от веток, и от ветра, что скомкал все краски.

Над коляской волхвы. Снизошла на тебя благодать.
Мать, что небом прикинулась. Небо, коляска, дорога...
Не поднять головы! Я не стану по птицам гадать,
отшатнусь от зрачков сумасшедшего этого Бога.

Нас листва оплела вперемежку с огнями реклам,
время корчит нам рожи, мы — тоже, отважные маски.
То ли я не живу, то ли время мне не по зубам,
то ли замерло всё в ожидании близкой развязки.

Эта осень меня, как по лестнице, сводит с ума.
Ах, отстань, отстрани, отодвинь свои тайные знаки.
Это — светлая осень!.. За осенью хлынет зима,
приготовьтесь к ее молчаливой и страшной атаке!

IV. СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Матери

Легка на помине, как солнечный луч на поляне,
как пляшущий полдень, как полдник в высокой траве,
как скрипка кузнечика, как из-за леса — цыгане,
как память о детстве, о снежном его колдовстве.

Осталось не много: осталось спокойное эхо.
Ни дома, ни сада, ни пепла...

Лишь память о том,
как долго звучат колокольчики детского смеха,
когда молчаливый отец возвращается в дом.

V

Брату

Брат мой, куда ты? Там плотный, как ватман, туман!
Там горизонт обезглавлен, там эхо безгласно...
Брат мой, куда ты? Опомнись! Пора по домам!
Эта дорога печальна, пуста и опасна.

Твои сильные плечи, школяр, непоседа, герой,
твое хрупкое сердце не выдержат этого бега...
Но тебе наплевать!.. Очарованный жуткой игрой,
ты уходишь... один... даже смерть для тебя не помеха.

VI

Вот и двери состарились, и обносились портьеры
в этом доме старинном, где столько просыпалось лет,
где в прихожей колеблется свет, то пурпурово-серый,
то, как свет от звезды, то, как солнца замедленный свет;

в этом доме старинном, где дует из окон, где фразу
от простуженных кресел сквозняк вдруг унес в коридор,
чтобы там заблудиться в пространстве из пауз, и сразу
возвратиться на место, поскольку — таков уговор;

в этом доме мы встретимся вновь через пару столетий,
через несколько дней или лет, или даже минут,
чтоб уже никогда не забыть этот вихрь междометий,
вихрь бессмысленных слов, что уже никогда не умрут.

VII

Отцу

На задворках Европы, в крестьянской глуши,
на высоком холме — за чужие гроши —
ты оставлен лежать навсегда в феврале
в неподатливой, жесткой и мерзлой земле.
Над тобою, как прежде, плывут облака.
Сон глубок, и могила твоя глубока.

1.02.1995

VIII

Дочери

Неподалеку — кладбище. На холм
взбираюсь часто к сумрачной могиле,
где спит отец; на ней три кипариса
посажены заботливой рукой..
Так и живем в печальном захолустье:
я целый день читаю детективы,
перевожу на русский Гёльдерлина
и у тебя учусь невнятным фразам:
*Entschuldigung, ich habe eine Frage...*¹
А ты уже щебечешь по-немецки,
приносишь в дневнике одни «пятерки»
и забываешь русский понемногу..
Лишь я твержу на память, как безумный,
обрывки строк, где слово *смерть* мелькает
так часто, что мне кажется порой:
я мертв давно, и ты мне только снишься.

---

¹ Прошу прощения, у меня вопрос... (нем.)

IX

И если память мне не изменяет,
я счастлив был лишь в детстве. Это значит:
жизнь близится к концу.
С ума сошла не только эта роща
со вздыбленными волосами,
охапки листьев прячущая в снег, —
я тоже медленно схожу с ума,
хотя и выгляжу вполне счастливым...
Как прежде подхожу к календарю
и день за днем беспечно отрываю.

Х

Когда уходят те, кого мы любим,
в последний путь, откуда нет возврата,
в последний путь к последнему пределу,
как черный бархат, раздвигая тьму, —
их сразу потускневшие портреты,
как сквозь туман, прекрасными глазами
глядят на нас, но нас уже не видят,
как будто мы для них не существуем...
Еще звучат бессмысленные речи,
еще слышны надгробные молитвы,
еще мы помним, как звучал их голос,
а их уж нет поблизости...

Под плеск
печальный вёсел, быстрая ладья
их вдаль относит...

XI

Матери

Так внезапно ушла, позабыв все ошибки, обиды,
Даже дверь не закрыла, ушла от меня навсегда...
Может, ты и вернешься, но двери тревогой обиты,
Но на кухне всю ночь у плиты хлопотала беда.

Ночью снова приснится отец, приподымет газету
И уронит, как будто в нее положили свинец,
Переставит цветы, прикоснется зачем-то к буфету...
Ах, отец, это я, это первенец твой, ах, отец,

Это я, твоя скорбная ветвь, твоя боль и тревога,
Эти горькие строки, о чуде уже не моля,
Как холодные лилии лягут со мной у порога
На исходе суровой зимы, посреди февраля...

28.01–10.02.2009

**ИЗ СБОРНИКА
«ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»**

* * *

День прожит без труда и без труда забыт,
как будто в мерзлый гроб последний гвоздь забит,
как будто осень, выходя из просек,
у голых веток подаянья просит.
Как мертвый стих, написанный вчерне,
он требует любви, которой нет во мне.
Лишь на столе свеча всю ночь горит.
День прожит без труда и без труда забыт.
Лишь в небе за окном колючая звезда
безмолвствует в ночи. День прожит без труда
и без труда забыт... Забудь и ты, дружок,
навязчивый мотив, пастушеский рожок,
далекий тихий свет, колеблемый в ночи,
колючую звезду и тусклый свет свечи.

В конце пути

1

Раздарил, растерял, не сберег:
Пастернак, Цветаева, Блок.

И Камюэнса пасмурный лик —
сколько было вас, избранных книг?

Как в ущелье разбойничье эхо,
затерялся и канул Вальехо.

Вот еще один свежий шрам —
это гордый ушел Мандельштам.

Изумрудные хокку Басё.
Больше нет ничего. Это — всё.

2

Вдруг — тихий голос, шелест крыл
и слог божественной чеканки:
со мной всю ночь проговорил
владелец сломанной шарманки¹.

---

¹ Цыбулевский А., «Владелец шарманки».

3

Вернитесь, — я кричал, — куда вы?
Кричал, не сдерживая слез...
Предсмертный хрип Акутагавы,
вращение его «колёс»¹.

---

¹ *Акутагава Рюноскэ, «Зубчатые колеса».*

* * *

...Как прежде б крикнуть: «А-музги!
О Амузги...» — в наплыв тумана.

А. Цыбулевский

Разве ты — настоящий писатель?
Что молчишь, иль язык проглотил,
незадачливых слов бормотатель,
заклинатель змеиных чернил?

Все дудишь в деревянную дудку...
Брызги слов. Но не видно ни зги, —
разве можно доверить рассудку
этот крик сквозь туман: «А-музги!»

Кафе «Мороженое»

Уже во тьме не различаю лиц.
Причуды памяти... Воскресный вечер.
Всё, как в тумане — чашки на столе,
и толпы любознательных прохожих,
спешащие в кино и из кино.
Глаза друзей повернутые внутрь.
Мне некуда спешить. Неяркий свет
чуть освещает мертвое пространство,
где, прислонившись к телефонной будке,
стою, прислушиваясь к голосам,
и ничего не жду — ни от себя,
ни от других...

* * *

Снова снег заслонил тишину,
и сугробы растут, как грибы.
Стоит кресло придвинуть к окну —
и уже не уйти от судьбы.

Он идет, как безумный кентавр,
по заснеженным мертвым холмам;
вот он входит в соседний квартал,
подступая к замерзшим домам.

И в его неподвижных зрачках
я не вижу уже ничего
кроме страха господнего... страх...
Только страх за себя самого.

* * *

Мне больше не нужны слова,
они мне сердце рвут на части...

Договорились — в два.
Пришла в три с четвертью...

О счастье
уже давно не думаю, мне жизнь
наскучила, как фильм бездарный.

«Держись, — шепчу себе, — держись...
за тонкий листик календарный!»

* * *

«Не пишешь, не пишешь, не пишешь...»
О чем же тебе написать?..
О том ли, что ветер над крышей
листву заставляет летать?

О том ли, как мне одиноко
в неприбранном доме-тюрьме?..
Ты помнишь, у раннего Блока,
а может быть, у Малларме?

Всё та же, всё та же морока,
вселенская хворь или хмарь —
кромешная музыка Блока,
аптека, брусчатка, фонарь...

* * *

Подарил колечко —
больше ничего...
Спит под снегом речка
в ночь под Рождество.

В печке ўгли тлеют,
за окошком снег...
Он один согреет,
он один — для всех.

* * *

Снегопад, снегопад...
Над прохожими, над домами,
будто кто-то, невидимый нами,
красит в белое крыши и сад.

Кто просыпал на нас конфетти?
Осторожнее, не спугните
этот снег, что сошел, как наитие
лишь затем, чтобы снова уйти.

Это — в розовом шарфе февраль
на своем суматошном концерте,
где звучит одинокий рояль,
говорит о любви и о смерти.

**ИЗ СБОРНИКА
«ВРЕМЕНА ГОДА»**

Пути себе расчистив,
На жизнь мою с холма
Сквозь желтый ужас листьев
Уставилась зима.

Б.Пастернак

* * *

Листая страницы
давным-давно прочитанных книг,
не вспоминал ли ты
о далеких и теплых морях?
О кораблекрушениях?..
Вспоминал?
Я тоже.
Желтые корешки
давным-давно прочитанных книг,
как последняя улыбка детства,
как прощальный привет,
как напутственное слово:
«Иди!»

* * *

Я у дороги выпрошу прощенье,
прости, я не пошел, куда звала.
Все не давали вырваться дела,
не отпускали цепкие сомненья.

Но я уйду, оставлю все, как есть,
куда ведёшь, не ведая, но зная:
куда б ни привела — не нужно рая,
спасибо, что вела... Сквозь ночь,
сквозь лес,

сквозь крик совы в лесу моих сомнений,
сквозь повторенья, мимо, наугад...
Я у дороги попрошу прощенья!
Я ухожу, я не вернусь назад.

* * *

Вот, кажется, осилил ремесло.
Никто не застрахован от ошибок.
Живу без отличительных нашивок,
в карманах пусто, на душе светло.

Вот, кажется, и молодость прошла...
Чего же им, проклятым, не хватает,
моим стихам, что словно свечи тают,
едва их убираю со стола?

* * *

Я поселю тебя в стихотворенье,
здесь будет всё не так, как у людей.
Ты улыбнешься выдумке моей,
напомнишь мне о вечности, о тленьи

и скажешь так, задумчиво тиха:
«Ну что ж, квартирный разрешен вопрос.
Да, я согласна жить в твоих стихах...
Вот только мы опять без папирос».

* * *

Давно так плодотворно не молчалось.
Уж, думал, не отважусь, а пришлось...
Как старый плащ, отброшенная злость,
да за полночь стихи, казалось, малость,
да крепкий чай, да запоздалый гость...
Ах, если бы и ты тогда осталась!

* * *

Прощай, расшатанный покой.
Пока, как окрик за трамваем,
пока, как всплеск волны скупой,
мимо копеечного рая,

мимо простуженной листвы —
как кисти рук скрестятся ветки,
сомкнутся каменные львы,
сойдутся лестничные клетки...

Калитки скомканная тень,
листвы споткнувшейся смущенье,
и я, как чье-то порученье,
вычеркиваю новый день.

* * *

Две параллельные прямые,
из детства в будущее след.
Пятнадцать пролетело лет
с тех пор, как мы лыжню прямими.

Случайно купленный билет
не вы ль, случайно, обронили?
Две параллельные прямые.
Снежинок тоненький балет.

* * *

У судьбы неразборчивый почерк,
и попробуй поди разбери,
черт ли с ведьмой в камине хохочет,
то ли это проделки зари,

то ли это сентябрь за холмами
куролесит всю ночь напролет,
то ли просто пришли за стихами
и в оконный стучат переплет.

* * *

Здравствуй, юность моя безоглядная!
Снегу, снегу-то намело...
Жизнь свою достаю и разглядываю,
как последний пятак на метро.

* * *

Строки стремительная ересь,
фонем пугающая вязь,
скажи, откуда ты взялась,
в какой тоске удостоверюсь
и с временем нарушив связь?

Скажи, откуда ты пришла,
руки язвительная сила?
Два берега соединила,
а оказалось: два крыла.

Два берега, две борозды,
два сердца, два стихотворенья...
Девятым валом вдохновенья
взлетев до утренней звезды.

Улицы

I

Я люблю бродить по старым улицам,
люблю смотреть на дряхлые домики
с перекосившимися глазницами окон,
на неровные заборы, игрушечные калитки
и одинокие вывески всегда пустых магазинов.
Я люблю эту тихую часть города,
где нет тротуаров, где люди и дома
живут какой-то своей, таинственной жизнью
и где невольно вспоминается
все, когда-либо слышанное о чудесном и загадочном.

II

Был в Амстердаме и не зашел в музей Ван Гога.
Зато посетил Красный квартал.
Накрапывал дождь.
Девушки отсыпались после ночи,
некоторые завтракали.
Я долго кружил по узким улочкам,
рассматривая их через стекло,
как мертвых бабочек в музее природоведения.

Времена года

1

Подслушать исповедь сверчка,
исподтишка нарвать сирени
и написать стихотворенье
опять про белого бычка.

2

Капризы осени, пирог
с грибами, горечь пораженья...
И лист преподает урок
искусства самовыраженья.

3

Спешит состариться декабрь,
и ждет гостей на новоселье
лес, неподвижный, как дикарь,
подкрадывающийся к цели.

4

Дома продрогли до квартир,
до крыш, до крошечных заслонок,
но все слышней — едва с пеленок —
капели солнечный пунктир.

* * *

Мой доверчивый палисад,
разговорчивый мой подоконник,
может впрямь всё, что я написал
не нуждается в посторонних?

Пусть пишу не так, не о том,
что с того, мы ведь не на параде...
Я-то знаю, каким трудом
достаются эти тетради.

Не тревожься, моя душа!
Нам ли думать с тобой о славе?
Только как это — не дышать?
Только кто же меня заставит?

Берег

1

Улыбнись — жизнь ушла безвозвратно.
Чуть помедли над тихой рекой.
Посмотри: разноцветные пятна
загораются сами собой.

Эта ночь, как и ты — ниоткуда.
Этот млечный, чуть брезжащий свет
от звезды — разве это не чудо?
Через тысячи, тысячи лет.

2

И нежность в сердце утвердилась.
Откуда этот легкий шум?
Душа ль от тела отделилась?
Освободилась ли от дум?

Или нетрезвою походкой
уходит к западу луна?
Под перевернутою лодкой
песок, покой и тишина.

* * *

Никаких украшений:
вензелей, позолот,
красота — неужели
только кровь,
только пот?

Неужели — так надо
и иначе — нельзя,
чтобы ткань снегопада
мне слепила глаза,

чтобы, падая оземь,
будто в этом их цель,
листья славили осень
целых восемь недель?

Чтобы время стояло,
как вода подо льдом...

Вдруг мелькнет, как бывало,
поманив рукавом.

* * *

Слагать стихи — нелепая забава,
когда душа заведомо черства,
но где предел и мера мастерства,
и кто нам дал таинственное право
плодить на свет *слова, слова, слова?*
Толпа не примет их, не крикнет: «браво!»,
их не коснется ветреная слава
и будет, к сожалению, права.
Мука и пыль — диктуют жернова.
Но, как Помпею выплакала лава,
так выгорит на пастбищах трава,
когда гортанно, дико и картаво,
ни грамма фальши — яд и тетива —
над миром выпрямится *Слово* величаво.

* * *

Ночь непробудна, бездонна, тиха.
Так и живу — от стиха до стиха.

Так и дышу — невпопад и не в лад,
только и вижу — часов циферблат.

Стрелки бегут — не утонишься! — прочь.
Чуть зазевался и сразу же — ночь.

Чуть повернулся, и множество лет,
словно снежинки, просыпались вслед.

Ангелом белым — сквозь ночь — простыня..
Господи, ты не покинешь меня?

* * *

Откажи себе во всём,
всё отдай другому:
выстрой для другого дом,
сам уйди из дому...

И пойдя куда-нибудь —
путь звезда укажет...
Бесконечный Млечный путь
сам под ноги ляжет.

**ИЗ СБОРНИКА
«DUM SPIRO SPERO»**

* * *

Как громко мы, молчим, как тихо спорим,
как медленно горим, как горько пьем,
как гибнем врозь, как верим каждой ссоре, —
безропотно стоим под проливным дождем.

Как странно мы живем, как тупо, немо,
как страшно все, что окружает нас...
В последний раз заря придвинет небо,
и Млечный путь взойдет в последний раз.

В последний раз живем! Прощай, планета!
Лети сквозь ночь, скрипи, земная ось.
Я выброшу стихи, возьму в ладони лето
и медленно уйду, земли мгновенный гость...

* * *

Жизнь вывернута наизнанку.
У времени крутой разгон.
Я выйду в поле спозаранку
и обопрусь о горизонт.

И что́ мне чьи-то неудачи,
и что́ мне боль, и чей-то смех,
когда повалит наудачу
непоправимо чистый снег?

Когда метель, срывая петли,
мешая сроки, вне времен,
вдруг белые закружит кегли
лиц, памятников, дат, имен?

* * *

Я должен многое успеть.
О, если бы я знал заранее:
моя ребяческая спесь,
да томик Тютчева в кармане.

Я должен заживо сгореть,
чтобы из пепла возродиться,
я должен трижды умереть
и трижды в слове возвратиться.

Мне только двадцать восемь лет,
возьму и всё начну сначала...
В каком-нибудь глухом селе
у невозможного причала

в шалаш забраться к рыбаку
и ждать, пока не клюнет окунь...
Пока не подытожит осень
и жизнь, и каждую строку.

* * *

А время шло, и старилось, и глохло...

Б. Пастернак

А время старится, течет, струится,
и зыбким кажется, и тает на губах.
Еще строку, ведь я верну сторицей,
еще страницу — не земных ведь благ

прошу, в конце концов... О, эти лица!
Куда ты лезешь, глупый, чур тебя!
Тюрьма. Вокзал. Опять тюрьма. Больница.
И ласковые пальцы октября.

* * *

На ипподроме — флаги,
на ипподроме — вой...
Налей-ка мне из фляги,
пусти по круговой.

Куда вы мчитесь, кони,
копытами звеня?..
В прокуренном вагоне
везут, везут меня.

Сплетенье тел и линий,
последний поворот...
Как белый шепот, иней
промчится у ворот.

Я вижу, ясно вижу,
как будто подан знак:
не так я ненавижу,
не так живу, не так.

Нас не обманет финиш,
нам жить невмоготу...
Перила отодвинешь
и канешь в темноту.

* * *

Как строят дом, как разбивают сад,
немыслимым трудом, чудовищным упрямством,
в полночный час — одни — с прекрасным постоянством
всё в тот же стол — опять — потупив взгляд,

с сыновней ненавистью на губах,
с жестокой радостью — все вышли сроки! —
выводим мы губительные строки,
превозмогая свой недетский страх.

* * *

Я болен. Осенью ли, прозой
или стихами — все равно.
Заката предпоследний козырь
ложится на мое окно.

Иду ль куда — домой, из дома,
молчу ли, стоя у окна, —
не астма — смертная истома...
Окно. И за окном — стена.

В окне — фонарь... февраль... фрамуга...
Я болен, стало быть, здоров.
И рядом — ни жены, ни друга,
и ветер с четырех сторон.

...А снег коснется сонного окна,
и до окна уже не дотянуться,
и сада оголенная спина
тебя уж не заставит оглянуться.

* * *

Пока дышу — надеюсь.
Dum spiro spero. Но
смотри, как леденеет
прозрачное окно.

Уже по крестовине
прошелся раз, другой
обетованный иней,
благословенный мой.

Сентябрьские сроки.
Деревья в три ряда...
Роняет свет высокий
вечерняя звезда.

* * *

А осень безнадежно хороша!
безукоризненна ее отделка.
Мелькнет в кустах оранжевая белка...
Что если вдруг — молчи, не лги, душа! —
вся наша жизнь такая же безделка,
как этот мертвый след карандаша?
Но на часах не двигается стрелка,
и так легко дышать... Но что ни шаг —
то тлен и смерть... Пустынная аллея.
Ни мертвый лист, ни беличьи следы
не трогают тебя, и ты стоишь, хмелея
от этой царственной, торжественной беды,
испытывая боль, почти блаженство...
В несбыточном плену у совершенства.

* * *

Искусства разветвленный ствол,
невидимых корней могучее родство.
Я — крайний лист на самой крайней ветке,
и кровь моя принадлежит листе.
Со мной в родстве бесчисленные предки,
и те, кто будет жить — со мной в родстве.
И смерть моя — умрет одно лишь имя
мое — и жизнь принадлежат не мне,
но тем, другим, — да будет свет над ними! —
сгорающим в божественном огне.

**ИЗ СБОРНИКА
«ПОСТСКРИПТУМ»**

* * *

Каждый день — одно и то же:
трудно жить в краю чужом,
даже в зной — мороз по коже,
будто в погребе сыром.

Дом уснул, и дверь закрыта.
Как же нам с тобой уснуть?..
Даже если жизнь разбита,
говори мне что-нибудь.

* * *

«Крапива» — красивое слово.
Кругом — лопухи, лебеда...
А в небе — из льда голубого —
шальная стояла звезда.

Стояла над домом и садом,
и в лунном ее забытьи
все то, что казалось нам адом
(свети, дорогая, свети!) —

невнятные шорохи, звуки
бессмысленной жизни земной
в преддверии долгой разлуки
наполнились вдруг тишиной.

* * *

Мы завершаем жизни круг,
глядим по сторонам тоскливо
и говорим себе: «А вдруг?»,
и в небо смотрим боязливо.
Никто не хочет нам помочь:
мы все умрем через мгновенье...
Я б не роптал на провиденье —
когда б ни тьма, когда б ни ночь,
когда б ни страх исчезновенья.

Мне имени не вспомнить твоего

I

Мне имени не вспомнить твоего,
я выдумал тебя, ты мне приснилась...
Должно быть, так в кошмарном, диком сне
рождается какой-то светлый образ
и мучит нас...

Я выдумал тебя.

Ты мне приснилась. Даже — голос твой.
Теперь я часто думаю: в тот вечер
не ты, но некий ангел в синих джинсах
с растрепанными ветром волосами
явился мне. Не вспомнить, не узнать...
Так сладко было трубку поднимать
и пить твой голос...

Может быть еще
мы встретимся. Не знаю. Всё бывает.

II

Мне имени не вспомнить твоего,
я выдумал тебя, ты мне приснилась...
Но если ты — лишь сон, то сделай милость,
приснись еще раз — только и всего.
Мне от тебя не нужно ничего.
Достаточно того, что волшебство
в моей душе навеки утвердилось,
достаточно того, что ты светилась
в двух-трех шагах от сердца моего.

III

Мне этот сон еще не раз приснится...
Скажи мне, кто ты — ангел, серафим,
исчадье ада, грешница, блудница?
Мне все равно — за голосом твоим
и в ад пойду — не страшно заблудиться.

Окно открыто. — Кто там? — Никого!
Как будто сердце, вздрогнув, расколосось...

Мне имени не вспомнить твоего.
Я только голос помню. Только голос.

Поэт

В его бокале лето тлело,
и отражался Млечный путь, —
уже чужим казалось тело,
и тяжело подымалась грудь.

Уже закат безбрежно-красный
сквозь стекла виделся ему, —
в глазах горел огонь ужасный,
и звезды строились в тюрьму...

На то и созданы поэты,
чтобы навзрыд писать о том,
как долго дотлевало лето
в бокале пенисто-пустом.

* * *

Т. Т.

Две женщины за шахматной доской.
Одна из них берет ферзя с тоской
и ставит мат другой, а та, другая,
глядит на доску, ничего не понимая.

Две женщины. Старинная игра.
Я вижу в зеркале двойное отраженье.
Одна из них была мне, как сестра,
другая — как надежда на спасенье.

Две женщины. Обманутый король
уже предчувствует с обеими разлуку,
целует в лоб одну, забыв про боль,
и у другой — в дверях — целует руку.

* * *

Л. Т.

Я получил твое письмо
и положил на хранение в книгу,
которую так любил Аполлинер, —
«Жюльетту» Маркиза де Сада..
Мы встретились в конце сентября.
Осень наклонилась над городом,
как одинокий пьяница над стаканом вина.
Так уже было однажды в детстве.
Помнишь? Деревянные заборы, костры..
Мы не заглядывали в будущее —
просто ели мороженое, пили горячий чай.

Памяти О.М.

Желтый пар петербургской зимы...

И. Анненский

О, эта каменная желтая бравада!
Широких улиц темный разговор...
Из проруби времен, из третьей песни «Ада»
он выбрался — с трудом — на гибельный простор...
Над Петроградом медленные ночи,
и волосы Невы по каменным плечам
разбросаны...

* * *

В траве ржавеют изумруды,
и ласточки не вьют гнезда.
Над чернью мельничной запруды
зажглась вечерняя звезда.
Мигают пристальные свечи,
и уж совсем по-человечьи
гримасничают зеркала...
Всю ночь звонят колокола.
Печаль, печаль — в любом аккорде...
Ах, если бы зима сугробы намела,
как у Феллини в «Амаркорде».

* * *

Стихи с немецкого перевожу,
скорее, просто время провожу;
над каждой буквой долго ворожу.

Коль друга нет — готов любить врага!
В Германии теперь лежат снега.
С утра — метель, а к вечеру — пурга.

Окно замерзшее, трагический узор,
а все-таки притягивает взор..
Мальчишки с санками бегут на косогор.

Им весело...

Такие, брат, дела.
Так дерево, сгоревшее дотла,
теперь — всего лишь пепел, лишь зола,
и, право, в этом я не вижу зла.

**ИЗ СБОРНИКА
«СТИХИ НИ О ЧЕМ»**

«Каких-то звезд бессмысленный глагол...»

А. Тарковский

Ночь в Амстердаме

Мне шальная звезда нашептала,
или в книжке какой прочитал:
«Если можешь, начни все сначала,
даже если смертельно устал».

А потом, передвинувшись вправо,
прошептала еще: «Подожди —
ждут тебя и богатство и слава,
и любовь, и любовь — впереди!»

Прошептала и тут же пропала,
осветив на мгновение канал...
Ночь, огни, в двух шагах от канала —
безнадежный и страшный вокзал.

Вдруг поймешь у ночного вокзала,
в незнакомый забравшись квартал:
жизнь прошла... Разве этого мало?
Но ведь я ничего не сказал...

Сервантес

Ну что, создатель «Галатеи»,
представь свой праздничный эскорт:
врачи, цирюльники, злодеи...
А там, по-видимому, черт?

С времен осады Фамагусты,
ты знал, что смерть всегда близка.
Какое, к дьяволу, искусство,
когда оторвана рука!

.....

Чтоб Дарданеллы запереть,
ты храбро дрался при Лепанто.
Не доставало провианта,
повсюду кровь, резня и смерть...

С стрелой в глазу пал Барбариго,
но рвется к цели Дон Хуан...
Вот из чего рождалась книга —
безвестный рыцарский роман.

* * *

Жизнь давно позади, не пора ль наконец повзрослеть!..
От рожденья мертвы — кто на четверть, а кто и на треть —
все, с кем встретиться мне на земле до сих пор привелось..
Хорошо на пиру, да вино из мехов пролилось.

Хорошо на миру умирать, смерть, как праздник красна!
Потому что опять над Парижем — стальная весна,
потому что опять виноград закрывает окно,
потому что другого, увы, мне уже не дано.

* * *

Куда же ты?.. Купаясь в светотени,
осенний свет ложится на холсты...
Я б не писал всей этой дребедени,
когда б не ты!

Я б никогда не говорил про осень,
которую зубрю четвертый год...
Соседский тополь утром листья сбросил,
а дуб все ждет.

...Мне по нутру бегущая позёмка,
скрежещущая удаль февраля...
В соседней комнате (негромко)
играет музыка: ля-ля!

В кафе напротив — разговоры,
ну не смешно ли: пьют ситро...
...Свет погашу, задерну шторы,
поеду на метро.

«Поэма о вечной печали»¹

Что под рукой?.. Опять Хименес, Лорка,
угрюмый Борхес и Дюма...
Дверь на балкон распахнута... Подкорка
совсем сошла с ума.

Уже с утра прогулки в дебрях парка,
шампанское, шартрез, кагор...
А к вечеру — опять Петрарка
или какой-нибудь Тагор.

Как это странно: в полумраке комнат
чередовать шаги свои
и сонно думать вслух: «О боге вспомнят
Артю Рембо и Бо-Цзюй...»

---

¹ Поэма Бо-Цзюйи.

* * *

Перерезал пуповину,
но не чувствую вины:
то ли сам страну покинул,
то ли выслан из страны.

Все же для поэтов нищих
лучшего удела нет,
чем искать на пепелищах
прошлого холодный след.

Все, что вспомнил, подытожил:
в суматохе мелких дел
жизнь бессмысленную прожил,
счастье, счастье проглядел.

* * *

Не молчи, не молчи, разговаривай,
отвернись, если можешь — заплачь...
Все равно — сквозь закатное варево
темный всадник уносится вскачь.

Знаю, друг мой, на сердце невесело,
в чем причина, увы, не пойму...
Все равно — сквозь кровавое месиво
мчится всадник в холодную тьму.

Темный всадник сквозь звездное крошево
мчится вскачь от звезды до звезды...
Пожелай мне исхода хорошего,
темный всадник, предвестник беды.

* * *

Как я живу — не спрашивай о том.
Стою себе, как обгоревший дом,
уже почти разрушенный ветрами...
Стою себе с обуглившимся ртом,
угаданный бессмертными словами.

**ИЗ СБОРНИКА
«ЗМЕИНЫЙ КОРЕНЬ»**

* * *

Сгорает запад постепенно,
и шепчет влажные слова
дочь Тейи, юная Селена:
«Смотри, растёт на склонах рва
железная трава — вербена,
а там — орлиная трава».

Жизнь тоже гаснет постепенно!
«Змеиный корень, спорынья,
воронья ягода...» (нетленна
и бесконечна жизнь моя!)
...Всё ближе, ближе Ойкумена
блаженного небытия.

Пригород

I

Невзрачные дома,
неровные заборы
не помнят моего лица.
Здесь жили проститутки, воры —
вино и драки без конца.

И я, как гость иногородний,
приехавший из дальних мест,
иду к знакомой подворотне
и дальше — в нищенский подъезд.

И сотни европейских улиц
мне не заменят той, одной,
где мы навеки разминулись,
случайно встретившись с тобой.

II

Здесь дом стоял, а там стоял сарай.
Я приезжал нечасто, раз в полгода.
В те времена еще ходил трамвай
от кладбища до молокозавода.

Всё как тогда — сажусь в пустой вагон,
не торопясь, талончик отрываю,
гляжу на двух задумчивых ворон
и жизнь свою зачем-то вспоминаю.

III

Кусты крапивы вдоль забора,
заросший жимолостью сад...
Я знаю, что вернусь нескоро,
хоть я ни в чем не виноват.

А память — альфа и омега —
уже рисует на холсте
подобье ангельского снега
на позолоченном кресте.

* * *

Многоугольное окно,
чернильные задворки неба.
«Всё, всё за нас предрешено», —
сказал приятель мой Загреба
загробным голосом...

и вновь
поднес огонь к заветной трубке.
И лихо вскинутая бровь
была, как мясо в мясорубке.

* * *

А. Я.

Проступая из тьмы законной,
снег на черные плиты летит.
Презирая земные законы,
эскалатор несется в Аид,
где жестокий супруг Персефоны
сам с собой о любви говорит.

Тихо падает снег законный.
Город замер, как замороженный.
Персефона на кухне сидит
и, устав от любви телефонной,
в непроглядную полночь глядит.

* * *

А. Я.

Изолгалась, изверилась — из ада
транзитом в рай, — ты думала: легко.
Рассказывай еще, Шахерезада,
про райский сад, про птичье молоко...
Когда вдвоем с тобой брели по саду
осеннему, где падала листва
на утлые скамейки, на ограду,
на парапет и я из озорства
тебя назвал затворницей, — впервые
ты улыбнулась робко, ангел мой...
Пятнадцать лет промчалось стороной!
Теперь года, как псы сторожевые,
нас окружают бешеным кольцом
и сеют страх, и не пускают в дом.

* * *

И под сурдинку, пенем жужелиц...
О. Мандельштам

Скажи мне правду, друг-карабус¹,
жестококрылый жук-брызгун,
куда летишь? На речку Дабус?²
Или на запад к замку Дун?³

Ну что ж, лети, лети скорее,
в предчувствии осенних бурь,
лети в свою Гиперборею
и дальше — в вечную лазурь.

---

¹ Карабусы, или жужелицы, или брызгуны (*лат.* Carabus) — род насекомых из семейства жужелиц отряда жесткокрылых.

² Дабус (иногда Ябус) — река на юго-западе Эфиопии, приток Голубого Нила, который течёт на север.

³ Замок Дун (*англ.* Doune) находится в области Стерлинг в Шотландии.

Памяти Мандельштама

*27 января 1837 года в районе Чёрной речки
состоялась дуэль между Пушкиным и Дантесом.*

*27 декабря 1938 года в лагере «Вторая речка»
умер Осип Мандельштам.*

I

Церковная хрупкая свечка
горит и горит, не сгорая...
Зловещая Чёрная речка
и чёрная речка Вторая.

Монету — орёл или решка —
подбросил, со смертью играя...
Зловещая Чёрная речка
и чёрная речка Вторая.

Плохая, должно быть, примета —
играть рукояткой узорной
упавшего в снег пистолета
на речке январской и чёрной.

Нечаянный выстрел, осечка
и эхо вороньего грая.
Зловещая Чёрная речка
и чёрная речка Вторая...

II

Не чуя огромной страны,
он бредил ключом Ипокрены
и видел кровавые сны —
грядущие казни, измены.

Он был собеседник ничей.
И вот отыскалось местечко —
болотистый мутный ручей,
Вторая, декабрьская, речка.

Новогоднее

Проснуться ночью на веранде,
нащупать под диваном хэнди,
поговорить с Махатмой Ганди,
или глотнуть немного бренди

и, к рюмке наклонившись резко,
вдруг вспомнить об Отце и Сыне,
или вернуться к Ионеско,
что мирно дремлет на камине.

Входите, лысая певица!
Уже звучит «Полет валькирий»...
Что только ночью не приснится
в чужой неприбранной квартире.

* * *

Сперва, уча язык фарерский
вблизи Оркнейских островов,
он позабыл про флаг имперский
и когти флорентийских львов.

Потом, устав от инкунабул,
от саг, сказаний и легенд,
он вынырнул из тьмы вокабул
в преддверье бронзовых календ.

Под чёрно-жёлто-белым флагом,
цедея, как вермут, целибат,
пил Божоле и тихо плакал
в кругу задумчивых трибад.

...Должно быть, так норвежский викинг,
вернувшийся в родимый фьорд,
сжигал отравленные книги
уже на площади Конкорд.

Дорожные зарисовки

1

Кто там с ветром говорит,
звук роняет горловой?
Гуттаперчевый Майн Рид,
всадник с плеткой дождевой...

Звезд рассыпанный конвой,
словно гравий — по песку.
Дождь июньский дрожевой
уместившийся в строку.

2

Это осень, нырнув за калитку,
разбросав по околицам хлам,
примеряет двустволку навскидку
и стреляет по черным стволам.

Проступает из тьмы позолота,
погружается в золото лес.
Выплывает из-за поворота
ярко-красная кромка небес.

3

В лесу осеннем канделябры
закатным золотом зажглись...
Поэзию схватить за жабры
и удержать... Схватил, кажись.

Ан нет!.. Зияния, пустоты.
В ладонях снова пустота.
Слова, созвучья, краски, ноты...
Проклятье белого листа.

4

Все больше склоняюсь к молчанию...
Осенние торжества!
Растерянно и печально
с деревьев летит листва.

Серебряной стала трава.
Все реже, все как-то нечаянней
роняю чуть слышно слова
и вновь погружаюсь в молчание.

* * *

Прощай, просодия ветвей!
Мне больше музыки не надо.
Над бедной родиной моей
звучит мелодия распада.
Прощай, забытая свирель,
я слышу музыку иную,
она за тридевять земель
колеблет ось и твердь земную.

* * *

Я прожил столько зим и лет.
Ну что ж, пора держать ответ.

Под вечер выйду за порог
на перекресток трех дорог —

всё те же гарь, и дым, и смрад
(деревья выстроились в ряд),

полощет на ветру белье,
кружит над лесом воронье.

* * *

Самое время молчать,
думать о небе ночном,
медленно звезды считать
и не жалеть ни о чем.

Самое время прощать
и никого не винить,
губы презрительно сжать
и ни о чем не просить...

* * *

Все листья мараю...

Сергей Попов

Все листья рисую, все взахлеб живу.
Знаю, молву любую выбросит, как плотву

на незнакомый берег к набережной пустой.
Кто в мою смерть не верит, тот не знаком со мной.

Там, за речным лиманом, за пеленою лет,
вместе с ножом карманным мой затерялся след.

* * *

А. К.

Как в небе вдруг взойдет звезда
и после долго так мерцает,
потом исчезнет навсегда,
а для чего? — никто не знает,
так мимолетный образ твой,
едва возникнув, исчезает
вслед за кочующей звездой,
куда? зачем? — никто не знает.

ПО ЧУЖИМ ЛЕКАЛАМ

пародии, подражания, стилизации

* * *

Грядущего нарядные руины,
лириодендроны, бурундуки, равнины...
И — галактические небеса.
И — механические херувимы.

Дмитрий Бобышев

Куда не бросишь взгляд, везде руины...
Католики, спичрайтеры, равнины,
французы, финны, немцы, итальянцы,
мошенники, мздоимцы, самозванцы,
те в глянце, те пешком, те понаслышке
спешат прильнуть к моей последней книжке.
В ней галактические небеса
и хаотичные глубины,
порой я слышу голоса —
то под колеса прыгают равнины.

* * *

В это время вдовец Айзенштадт, сорока семи лет,
Колобродит по кухне и негде достать пипольфена.
Есть ли смысл веселиться, приятель, я думаю, нет,
Даже если он в траурных чёрных трусах до колена.
.....

За Серёгу Есенина или Андрюху Шенью...
.....

То, на что не хватило мне слов человеческой речи...

Стансы. Сергей Гандлевский

Кто там в черных пиратских трусах до утра колобродит?
Есть ли смысл колобродить, когда продают пипольфен,
Когда каждое слово и рифма противны природе?..
Как мне быть с человеческой речью трусов и колен?

Выпьем, братцы, за тех, кто сегодня не с нами, а в морге!
За Серёгу Есенина и за Андрюху Шенью!
После смерти я выйду из гроба и в москниготорге
Свои книги куплю и прочту их законной жене.

* * *

Сегодня холодно, а ты — без шарфика;
невероятная вокруг зима...
Как будто Пушкину — приснилась Африка
и вдохновение — сошло с ума!

.....

«Отдайте музыку, откройте варежку...»

.....

И чай зелёновый друзьям заварить ты...

Африка. Александр Кабанов

Я — без намордника! А ты — без шарфика,
без зимних варежек, совсем одна,
стоишь над прорубью, в которой Африка
(и вся Америка) отражена.

Сегодня холодно, берет зелёновый
надвинь на талию, согреться чтоб
или укутайся дырой озоновой,
или согрей себя — нырни в сугроб.

* * *

Ты говоришь, что нет меня
и не было на белом свете:
пустяк, безделица, фигня,
и надпись в школьном туалете.

Феликс Чечик

Мой друг, ищи, ищи меня,
Ищи в ночи и в свете дня,
ведь без меня не полон мир,
зайди, в конце концов, в сортир,
в котором тоже нет меня,
в котором я исчез бессрочно,
но ты ищи меня заочно,
такая, в общем-то, фигня.

* * *

Так просто жить, что хочется ещё,
ходить в плаще, донашивать пальто,
сносить пять пар ботинок и потом
ещё пять пар, ещё, ещё, ещё...

Дмитрий Артис

Так хочется купить себе пальто,
потом костюм, потом кашне на шею,
потом машину, несмотря на то,
что я водить машину не умею.

Так хочется счастливым быть и знать,
что это может вечно продолжаться...
И каждый день с утра стихи писать,
и ясен пень, всюю публиковаться.

* * *

Иногда бывает надо
спозарани стогны града
обойти не стороной, —
вспет будильник, словно петел
рэзнул из-за тучи, светел
солнца луч иглой стальной.

.....

Чем живет моя столица,
пристально взглянув на лица,
проницаю до нутра:
гордо поднятых лопаты
впукло-выгнуто-помяты
в уличной толпе с утра.

Максим Амелин

Спозарани, жизнью согнут,
выйду на родные стогны,
где повсюду тьма ночная,
где, как в погребе, темно...
Мне навстречу мчат трамваи,
облака, листва, трава и
дворники — я всем киваю,
будто с ними заодно.

Будто сделаны из ваты,
впукло-выгнуто-помяты,
в вечных поисках зарплаты —
лица встречных москвичей.
Я смотрю им прямо в лица:
«Мне б сто грамм — опохмелиться,
третий день хожу поддатый...»,
а они в ответ: «Ты чей?».

Отвечаю, ликом светел:
«Я вас издали приметил,
я потомственный бродяга
и значительный поэт»,
а они твердят уныло
и притом воротят рыла:
«Доходяга? что за шняга?»¹
До свиданья! Денег нет!»

---

¹ Ерунда, чепуха, ненужная вещь, неудача, невезение (*тюремн. аргю*).

Подвиг

Надо быть себя мгновенней,
чтобы подвиг совершить...

.....

дом у реки ни огня
дверь приоткрыта в меня
там причитает родня
комнаты гул западня

.....

Не надо обо мне. Не надо ни о ком...

Владимир Гандельсман

Чтобы подвиг совершить,
надо быть себя мгновенней,
надо на отшибе жить
в собственном стихотворенье,
чтоб докучная родня
западни не расставляла,
не тревожила меня
и весь день не раздражала,
чтоб в осенней тишине,
стопки книг окинув взглядом,
вспомнить вдруг: бессмертье рядом,
впрочем, хватит обо мне.

Советы юношеству

завидев льва достань складной аршин
измерь добычу от ноздрей до зада
и если лев окажется большим
ступай домой оно тебе не надо

Советы юношеству. Алексей Цветков

Кто в детстве не грешил,
не грыз в чулане ногти?
Достань складной аршин
или пльиви по Охте,
и сразу вспомнишь всё,
что вызубрил, однако
не начинай с Басё
и бойся Пастернака.

Сложные слова

Шагает утром в школы
Вся юная Москва,
Народ твердит глаголы
И сложные слова.

Агния Барто

кому Москва, кому Толедо
кому манкурт в полупальто
кому мучительное кредо
читает Агния Барто
на кухне злой преторианец
играет с куклами в лото
он приглашает их на танец
под купол цирка-шапито

* * *

Всем человеческим адовым колхозом
с конвоем по краям
мы надоели бабочкам, стрекозам,
цикадам, муравьям.
Зачем — поймав репейницу за чаем
и восклицая: ах! —
под лупой изучаем, назначаем
быть пленницей в стихах?
Почто хозяин соточки равнинной
настолько офигел,
что в ярости разрушил муравьиный
безвинный Карфаген?

Ирина Евса

Позволь поэзией, а если что — и прозой
служить жукам, цикадам, муравьям,
воздушным бабочкам, задумчивым стрекозам,
снующим здесь и там.

Здесь, ямы на краю, стоит работник грубый,
вот он настроил автоген¹,
и медленным огнем заваривает трубы,
и рушит Карфаген.

Почто, мерзавец, Карфаген разрушил?
Как дальше жить беднягам-муравьям?..
Зачем мне блузки, кофточки и рюши,
когда во мне звучит суровый ямб?

---

¹ Автор не разбирается в тонкостях электросварки.

* * *

А мне господь не дал проводника.
Не понимая, где восток, где — запад,
сорвавшись, словно сука с поводка,
бегу, ориентируюсь на запах...

.....

ни улиц, ни зарубки на пеньке,
ни звука.

Лишь у мусорного бака,
задравши лапу, писает собака,
рисуя схему жизни на песке.

Ефим Бершин

Я под чужую дудку не пляшу,
все эти новшества мне не по нраву,
я по старинке перьями пишу,
и мне плевать на тиражи и славу.

Ни улиц, ни домов, ни огонька...
Остановлюсь у мусорного бака.
Пока в сторонке писает собака,
сама собой рождается строка.

* * *

я ведь сам — позабытая полем кровать
.....
для кого лебезя колосится безбрежная спальня?
.....
никого на мембране пружин а заляжем бок о бок
Александр Самарцев

Колосистая рожь, лопухи, лебеда...
Знаю, в спальне твоей не усну никогда.

Помогает поэту любить-рифмовать
позабытая полем и ветром кровать.

На мембране пружин возлежу, лебезя,
мне без поля, и ветра, и вправду, нельзя.

* * *

А я тут что? Хромой излишек?
Меня не ездили плетью,
не жгли допросами. Кто выжил,
тот обзаводится детьми.

Евгения Джен Баранова

Какие всё же судьбы, лица...
А мы зачем? И есть ли мы,
когда никто, как говорится,
нас не охаживал плетью?

Когда никто в полуподвале
нас не пинал ногой в живот,
а тот, кто выжил, трали-вали,
в коттедже каменном живет.

* * *

Я изгоняю стаю из себя —
И тает тайный айсберг подсознания,
Взлетают кремнеклевые создания,
Изданье Фрейда крыльями дробя.

.....

Мы обнаружим не роман, не повесть,
А лишь сюжет для крошечной новеллы,
Когда на койку, чистую, как совесть,
Меня уложишь ложью неумелой.

Рита Бальмина

Огромный айсберг на куски дробя,
ты женщину упрямо тащишь в койку.
Я за любовь тебе поставлю двойку,
ты наглый лжец, я не люблю тебя!

О если бы тебя увидел Фрейд,
или Шекспир — с твоей опухшей рожей, —
тебя б остановили у дверей
и не пустили далее прихожей.

* * *

Брюки белые, длинные, грязные.
До ширинки висят телеса.

.....
Нет повода печалиться, когда
Любовница покинула, забыла,
Уехала куда-то, родила...
Но все-таки жива. И мирно чешет
Развратные большие ягодицы
Такою же развратною рукой.

Евгений Лесин

Слышен гул: голоса, голоса,
третий день не смолкают поэты.
У хозяйки торчат телеса,
да и прочие тоже раздеты.

И под крики: «А ты кто такой?
Эта рифма сюда не годится!..»
кто-то чешет развратной рукой
обнаженные две ягодицы.

* * *

души пересолены жабры
души переделаны фибры
Февральские смерти. Наталия Азарова

мне надо быть сильной и храброй
чтоб в очередном феврале
схватив вдохновенье за жабры
замерзнуть в февральской земле
профессию трудную выбрать
уйти от красивых словес
и жабры меняя на фибры
повысить к себе интерес

* * *

симметрия обратного пути
короткого как пара зуботычин
когда рискуешь вслух произнести
что мир вокруг не слишком симметричен
.....

накинь платок озябнешь говорю
недобрый ветер в русском виртуале

Евгений Бунимович

А ну заткнись — считаю до пяти,
будь осторожен и самокритичен,
а если встретишь фрика на пути,
не пожалей пинков и зуботычин.

А если что не так, то не кричи,
не зубоскаль, и не входи в детали,
накинь на рот платок и помолчи, —
недобрый ветер нынче в виртуале.

* * *

...И пучит на меня кровавые шары.
Ты тоже царь горы? — Я тоже царь горы.
Я тоже царь горы в короне и плаще,
И нет другой игры от слова вообще.
Будь ты бойцовый эльф или сиди в норе,
В шкафу имея дверь в иное измере,
Свирепый чингачгук и даже конь в пальто,
Когда не царь горы, ты в сущности — никто.

Мария Галина

Ты в принципе — никто, когда ты — не поэт,
обычный лох в пальто, блондин или брюнет,
приземистый эстет, актер, комедиант,
на протяжении лет утративший талант,
жестокий некромант, заведомый хитрец,
или заезжий франт, бездельник и подлец,
вся жизнь твоя, увы, не стоит ни черта...
Заиндевший труп, забвенье, пустота.

* * *

Верить просто и непросто.
Счастлив тот, кто верит, — он
Бодро пьёт озон погоста,
Совершая моцион.
.....

Лишь ночами — зло и остро —
Сны штурмуют крепость лба...

Татьяна Ивлева

На душе моей короста —
ни во что не верю я.
Бодрым шагом вдоль погоста
(хоть и небольшого роста)
я иду легко и просто,
вижу — ветхая скамья.

Сяду с краю у могилки.
Вурдалаки-мертвецы,
выпив три ведра горилки,
словно мелочь из копилки,
достают ножи и вилки,
поднаторели, подлецы.

Я не робкого десятка,
но позвольте, мужики,
знаю, вам в земле несладко,
ну а мне — и вовсе гадко,
что же делать — вот загадка,
бить вас, вроде, не с руки.

Я гляжу на них сурово,
мол, вначале было слово,
ко всему давно готова,
что там выкинет судьба...

.....

За окном пальба, гульба.
Время за полночь, и снова
сны штурмуют крепость лба.

* * *

Конечно же, это разлад
Со смутой, готовящей, щерясь,
Для всех без разбора, подряд,
Подспудную морось и ересь.
Владимир Алейников

Осенняя морось в окне...
Обрюзгшая муза, доверясь
поэту, созрела вполне
и шепчет кромешную ересь.

Как прежде, невнятны слова,
а рифмы и образы — жалки...
Но гордо торчит голова
из дряхлого кресла-качалки.

* * *

Приятная зависть поэтов
и женщин внимательный взгляд —
признайся, ведь ровно об этом
мечтал ты полжизни назад?

Так что ж ты невесел, врунишка,
и чем же ты так раздражен,
и злобно шипит твоя книжка
одышке твоей в унисон.

.....

Хорошо бы
крышкой гроба
принакрыться и уснуть!

Тимур Кибиров

Редиску покрошу,
нарежу помидор,
и вилкой напишу:
«Да здравствует, террор!»

Хоть и дышу с трудом,
а все ж доем салат...
Где был красивый дом,
теперь ларьки стоят.

Ну что ж, пойду в ларёк,
пришел, как видно, срок.
Какой от книжек прок?
Да никакой, дружок!

* * *

А туча лежит, и скучна, и брюхата,
на пьяном багряном ветру,
как тучный патриций эпохи заката
на пьяном усталом пиру.

.....

Роскошного пурпура небу не жалко:
горит, ни о чем не скорбя.
И чёрная птица — рабыня? служанка? —
танцует уже для себя.

Юрий Ряшенцев

Куда мне уйти от имперских традиций,
коль, жизнь превращая в игру,
на пьяном пиру предпоследний патриций
швыряет на стол кожуру?

Симпосий в разгаре, танцуй же, плутовка,
пока он стоит на ветру
и шепчет слуге, наклонившись неловко:
«Ты знаешь, я завтра умру».

**СКИТАЛЕЦ
С НАБЕРЕЖНОЙ АНЖУ**

Книга должна быть топором,
способным разрубить замерзшее
озеро внутри нас.

Франц Кафка

В последние годы у него участились головокружения. Он почти ничего не ел и совсем перестал писать. Ночи напролет кружил в одиночестве по безлюдному Парижу среди промозглых улиц и бесприютных ночных фонарей.

Однажды на набережной спросил у юной цветочницы, знакома ли она с творчеством некоего Шарля Бодлера. Та ответила, что знает только Альфреда Мюссе. Он пришел в ярость и едва не набросился на нее с проклятиями.

Затем спустился к Сене, где у самой воды бегали крысы, и вспомнил тучного развязного Бальзака, с которым когда-то часами бродил вдоль набережной, и они болтали обо всем, что приходило в голову.

При этом он постоянно думал о Жанне.

— Чертова мулатка! — пробормотал он.

Затем долго глядел на плывущие по небу облака... Дались ему эти облака... Как там, в «Страннике»? «— Я люблю облака... летучие облака... вон они... Чудесные облака!»

---

9 апреля 1821 года в Париже на улице Отфёй в доме 13 родился Шарль Пьер Бодлер.

Отец, Жозеф-Франсуа Бодлер был намного старше матери, Каролины Аршембо-Дюфаи. Ей было двадцать шесть лет, когда в сентябре 1819 года шестидесятилетний Жозеф-Франсуа сочтается с ней вторым браком. Позже Бодлер назовет этот брак «несуразным, старческим и патологическим».

---

10 февраля 1827 года отец Шарля умирает. Через несколько дней его хоронят на Монпарнасском кладбище. За матерью начинает ухаживать некий офицер Жак Опик, и Каролина, едва заканчивается траур, выходит за него замуж.

Поначалу Шарль смиряется с замужеством матери. Однако постепенно его отношения с Опиком накаляются. В конце концов он настолько возненавидел отчима, что даже спустя много лет, во время февральской революции 1848 года, убеждал повстанцев «найти и расстрелять генерала Опики»!

В 1830 году Опик по делам службы отбывает в Алжир. Он отсутствует почти полтора года, и Шарль ежедневно благодарит Бога за возможность оставаться наедине с матерью. Через много лет в одном из писем Каролине он вспоминает:

«Было время, когда ребенком я тебя страстно любил; не бойся, слушай и читай дальше. Мне вспоминается одна наша прогулка в фиакре. Ты тогда только что вышла из санатория и, в доказательство того, что ты не забывала о своем сыне, показала мне рисунки пером, сделанные для меня. А ты говоришь, что у меня отвратительная память. Потом — площадь Сент-Андре-дез-Ар и Нейи. Долгие прогулки, бесконечно нежные ласки. Я вспоминаю набережные, такие печальные в тот вечер. О, то было восхитительное время; я ощущал на себе материнскую нежность... Я все время был жив в тебе, а ты принадлежала мне одному. Ты была для меня и божеством, и товарищем».

---

1 марта 1837 года Шарль поступает в лицей Людовика Великого. Ему запомнились сырые классы, запах

плесени и гнили, бесконечная скука. Он запоем читает Виктора Гюго и Теофиля Готье, чьи стихотворения оказывают на него большое влияние.

Окончив лицей, Шарль заводит дружбу с молодыми литераторами, в том числе с Нервалем. Ведет богемный образ жизни. Попадает в Латинский квартал, о котором до той поры не имел ни малейшего представления. Влезает в долги, водится с проститутками, в итоге заболевает сифилисом. В качестве лекарства начинает принимать наркотики. «У меня прекратилась ломота, почти прошла головная боль, сплю гораздо лучше...» — пишет он своему единокровному брату Клоду Альфонсу.

В июне 1841 года из-за постоянных ссор с отчимом (дело доходит до рукоприкладства) Шарль на борту тихоходного судна «Пакетбот Южных морей» отправляется в путь к Мысу Доброй Надежды за Мадагаскар на Маврикий и дальше в Индию, до которой он так и не добрался, и не потому что у него закончились деньги, как он писал об этом матери, а потому что в Индии ему «делать было решительно нечего».

Он возвращается в Париж, в Латинский квартал, к молодым поэтам, журналистам и художникам, к милой богеме, воспетой Анри Мюрже¹, одним из его близких друзей. В Париж с его нездоровыми запахами, с его кофейнями и ресторанами, с его ветхими мансардами, расположенными выше крыш, с его сутолокой и гомоном, с нервной, болезненной, тревожной, расточительной и нелепой жизнью.

И все же время не было потрачено даром. По словам Теофиля Готье, «...в его самых мрачных произведениях

---

¹ А. Мюрже, «Сцены из жизни богемы».

вдруг точно откроется окно, через которое, вместо черных труб и дымных крыш, глянет на вас синее море Индии или какой-нибудь золотой берег, где легкой поступью проходит стройная фигура полунагой жительницы Малабара, несущей на голове глиняный кувшин».

В конце октября 1843 года Шарль переезжает в Отель-де-Пимодан, на набережную Анжу. Здесь на последнем этаже в течение нескольких лет он арендует небольшую квартиру с окнами во двор, где меж громоздких плит виднеется чахлая ржавая трава. За жильё платит мать. Вход в квартиру с черной лестницы. На стенах обои с черно-красными узорами. Сразу в нескольких местах, если верить воспоминаниям Асселино, из часов выскакивают кукушки. На подоконниках бутылки вина. Именно здесь он пишет «Приглашение к путешествию», в котором «...лучи золотят гиацинтовым блеском каналы».

На первом этаже живет красильщик. Из комнат доносится отвратительная вонь, вызывающая тошноту и кашель. Но с лестницы, в правом крыле, обитая бархатом дверь ведет в настоящий рай: роскошную гостиную, будуар, спальню...

Бодлер оставил описание этого рая: «Будуар мал и очень узок. Потолок, начиная от карнизов, закругляется в виде свода; стены увешаны длинными зеркалами, а между ними — панно с пейзажами, написанными в небрежно-декоративном стиле».

Шарлю достаточно спуститься в бельэтаж, чтобы попасть в Клуб гашишистов, где нередко бывал Дюма-отец и где был задуман и вскоре написан его великий роман «Граф Монте-Кристо». По словам Теофила Готье, «быстро текущее время словно бы не коснулось этого дома, он подходит на часы, которые забыли завести, поэтому стрелки всегда показывают одно и то же время». Далее Готье подробно описывает застолье гашишистов:

«Наша трапеза была сервирована причудливо и живописно. Вместо рюмок, бутылок и графинов стол был уставлен большими стаканами венецианского стекла с матовым спиралевидным узором, немецкими бокалами с гербами и надписями, фламандскими керамическими кружками, оплетенными тростником, и бутылками с хрупкими горлышками».

Когда однажды владелец дома Пишон упрекнул Бодлера в излишнем шуме, тот ответил ему: «Не знаю, что вы имеете в виду. В гостиной я колю дрова, в спальне таскаю за волосы любовницу, но это же происходит во всех квартирах!»

Много лет спустя барон Пишон, дипломат, чиновник и библиофил, в письме другу напишет: «Если б Вы только знали, каково было мне иметь в постояльцах Бодлера и что за жизнь он вел!»

К середине 1844 года Шарль умудрился промотать почти половину отцовского наследства. Генерал Опик вместе с Каролиной и братом Шарля Клодом Альфонсом решают ходатайствовать перед властями об учреждении над ним официальной опеки. Для Шарля это было как удар дубиной по голове: он не верил, что мать решится на подобное предательство. В течение нескольких дней он не может прийти в себя, после чего пишет ей письмо:

«Чтобы я проглотил пилюлю, вы постоянно повторяете, что происшедшее — совершенно естественный шаг и не несет в себе ничего позорного. Это возможно, и я в это верю. Но, по правде говоря, какое мне дело, что это действительно так для большинства людей, если для меня это нечто совершенно иное <...> к моему несчастью, я действительно устроен не так, как все. То, что ты рассматриваешь как необходимость и временную боль, я не могу, не могу вынести <...> я решительно отвергаю всякое покушение на мою свободу. Разве не жестоко подвергать меня судилищу нескольких человек, которые меня не знают и

для которых это — скучная обязанность? <...> Я искренне верю, что ты делаешь большую ошибку. Говорю я это тебе с холодом в душе, потому что вижу, что ты осуждаешь меня, и уверен, что слушать меня ты не будешь, но ты должна знать — ты сознательно и по собственной воле причиняешь мне огромное горе, не представляя всей его тяжести».

10 сентября 1844 года в Отель-де-Пимодан прибывает судебный исполнитель с предписанием господину Бодлеру явиться в судебную палату департамента Сены, а 21 сентября старинный друг семьи мэтр Нарсис Дезире Ансель назначается главой опекунского совета. Бодлер пишет матери разгневанное письмо, в котором обращается к ней на «вы»:

«...Кстати, о векселях — Вам ведь известно, что все деловые люди знают друг друга и что одного пущенного по кругу письма достаточно, чтобы все парижские поверенные в делах и нотариусы были осведомлены о моем положении; к тому же как по ним платить? Все это я напишу и г-ну Анселю, которому Вы наверняка уже дали полицейско-материнские инструкции, продиктованные любовью в высшей стадии ее проявления».

Эта трагическая финансовая канитель будет размазываться на протяжении всей его жизни. За три года до смерти, уже будучи тяжело и безнадежно больным, Бодлер все еще продолжает переписку с нотариусом Анселем:

«Мой дорогой Ансель, возвратившись из Намюра, куда я ездил погостить у г-на Ропса, я обнаружил Ваше последнее письмо и ответчу, прежде всего, на постскриптум, который я нашел несколько странным, позвольте признаться Вам в этом. Как могли Вы подумать, что я способен дважды воспользоваться одним и тем же начислением — сначала самими деньгами, а затем письменным поручительством на ту же сумму. Подобное поведение определяется весьма

сильным словом “бесчестье”. Ежели я Вам не отослал само поручительство, так это потому, что оно уже давным-давно уничтожено.

Вы желаете объяснения загадки, а именно, почему я манкировал нашей встречей. Я назначал встречи многим другим помимо Вас — Мишелю Леви, например. В последний момент, прямо перед отъездом, — невзирая на страстное желание увидеться с матерью, невзирая на глубокую тоску, в которой я живу, тоску еще более тяжкую, нежели та, что причиняла мне французская глупость и от которой я так *страдал* на протяжении многих лет, — *меня охватил ужас* — какой-то *собачий страх*, ужас при мысли снова оказаться лицом к лицу с моим адом — пройтись по Парижу, не имея возможности расплатиться по долгам, что обеспечивало бы мне истинный отдых в Онфлэре...»

Ив Бонфуаверно (Ив Бонфуа), один из наиболее известных современных французских поэтов, в своем эссе «Цветы зла» так высказался о трагической судьбе Бодлера:

«Что сказать о нем, кроме пустяков, неточностей, а то и лжи? Самая пронизательная критика отступает и признает абсолютность им созданного. <...> Бодлер избрал смерть — чтобы она росла в нем, как сила мысли, чтобы познавать через нее мир. Суровый, жертвенный выбор. К тому же опасный для самой поэзии. Мало того, что Бодлер не нашел признания, оказавшись ни на кого не похожим, и жил в вечном страхе немоты, без друзей, на которых мог бы положиться, — ему еще пришлось увидеть, как отказывает разум, ради которого он стольким рискнул. О том, что беда не прошла стороной, говорят мучительные трудности в работе и предсмертная афазия. А о том, что он все знал заранее, сказано в “Фейерверках”¹: “...сегодня... мне было дано странное предупреждение: я почувствовал, как на меня повеял ветер, поднятый крылом безумия”».

---

¹ «Фейерверки» — одна из частей бодлеровских записных книжек.

---

30 июня 1845 года в возрасте 24-х лет Бодлер предпринимает попытку самоубийства. Он отправляет нотариусу Анселю пространное письмо-завещание, в котором пишет:

«Я убиваю себя потому, что не могу больше жить, потому как тяжесть, с которой я засыпаю, и тяжесть, с которой я просыпаюсь, стали для меня невыносимыми. Я убиваю себя потому, что я — бесполезен для других и *опасен для себя самого*. — Я убиваю себя потому, что считаю себя бессмертным, и потому, что я *надеюсь*. <...> Я завещаю и отдаю госпоже Лёмер (Жанне Дюваль — Б.М.) все, что имею, в том числе мебель и мой портрет, ибо она — единственный человек, от общения с которым душа моя отдыхала». И т. д.

В тот же вечер в кабаре на улице Ришелье, в присутствии Жанны Дюваль, Бодлер пытается заколоть себя ножом, в результате чего падает в обморок. Рана неглубокая, почти царапина. Его переносят в дом к Жанне, которая живет неподалеку, на улице Фамм-сен-Тет. Подоспевший врач, осмотрев больного, рекомендует Бодлеру полный покой.

После неудавшегося самоубийства Бодлер переезжает с набережной Анжу на Вандомскую площадь, к матери, однако, через некоторое время съезжает и от нее. На вопросы друзей: «Почему он ушел из семьи?» отвечает: «У них в доме пьют только бордо, а я не могу обойтись без бургундского...»

Ему нравилось ночевать у друзей, поскольку он ненавидел собственное жилище, чаще всего тесное и неудобное. Однажды он несколько недель кряду провел в заброшенной мастерской некоего художника, где спал, не раздеваясь, на старом обтрепанном диване.

Бывало, и не раз, что он ночевал в борделях и испытывал на себе тошнотворное впечатление, производимое пробивающимся в комнату дневным светом, падающим на полинявшие занавески.

Больше всего он боялся скуки. Совершенно не переносил одиночества. Рассказывал, что состоит в любовных связях с мужчинами, с серьезным выражением лица утверждал, что он тайный агент... В своих рассказах был настолько убедителен, что ему охотно верили.

---

3 января 1865 года Бодлер пишет из Брюсселя письмо г-же Поль Мёрис:

«Я прослыл здесь за агента полиции (очаровательно!) (из-за этой расчудесной статьи, что я написал о шекспировском празднестве), за педераста (я сам распространил этот слух; и мне поверили!), потом прослыл за корректора, присланного из Парижа, чтобы править гранки непристойных сочинений. Придя в отчаяние оттого, что мне во всем верят, я пустил слух, будто убил своего отца и потом съел его; что если мне и позволили бежать из Франции, так это в благодарность за услуги, которые я оказывал французской полиции, и мне поверили! Я плаваю в бесчестье, как рыба в воде».

Как пронизательно заметил Сартр, «...он не брезгует ничем, чтобы в собственных глазах превратить свою жизнь в судьбу».

Бодлеру не раз вменяли в вину чрезмерное обилие в его поэзии аллитераций и ассонансов. Элиот вообще считал, что «разнообразие и изобретательность» Бодлера «порой приближаются к трюкачеству». Жюль Ренар, по-

местивший на первой странице своего «Дневника» восторженную запись: «Тяжелая, будто заряженная электричеством фраза Бодлера», позже все в том же «Дневнике» камня на камне не оставил от одной из его метафор:

«...Душа вина заводит песнь в бутылке». Вот она, лжепоэзия, которая старается подменить то, что существует, тем, что не существует. Для художника вино в бутылке — это нечто более подлинное и более интересное, чем душа вина и душа бутылки, ибо нет никакого резона наделять душой предметы, которые прекрасно обходятся без всякой души».

Справедливости ради нужно отметить, что Верлен в своей знаменитой статье «Шарль Бодлер», заявил буквально следующее: «...ни один из великих поэтов, ни один из них больше, чем Бодлер, не разбирается в бесконечных хитросплетениях стихосложения». При этом Верлен дважды процитировал именно эту строку: «...Душа вина заводит песнь в бутылке».

По мнению Г. Адамовича, «...Бодлер слишком красив и наряден, слишком эффектен и красноречив. Часто кажется, что если бы Бодлера кое-где подсушить, кое-где ретушировать, он решительно был бы “поэт в поэтах первый” за последние сто лет».

Друг и соратник Бодлера, Теофиль Готье, напротив, считал, что «...Бодлер, если ему не надо выразить какого-нибудь удивительного отклонения, какой-нибудь неизвестной стороны души или вещи, выражается языком чистым, ясным, правильным и настолько точным, что самые строгие судьи ни в чем его не упрекают. Это особенно заметно в его прозе, когда он говорит о предметах более обычных и менее отвлеченных, чем в своих стихах, почти всегда полных крайней концентрации».

Кстати, тот же Адамович в статье, посвященной И. Анненскому, начинающейся пассажем: «Пятнадцать лет тому назад, хмурым, пронзительно-холодным осенним утром в Царском Селе хоронили Иннокентия Анненского...», находит удивительно точные слова:

«Наследство Бодлера он (И. Анненский — Б. М.) принял с покорностью, почти благоговением. И над всей его поэзией можно было бы поставить эпиграфом строчку из “Сплина” о человеке, у которого в жилах течет “зеленая вода Леты”».

Предчувствуя близкую смерть, он все же пытается работать. Безрезультатно. Слишком большие крылья дала ему природа. Слишком большие! Как тому альбатросу, которого капитан Сализ подстрелил у экватора. Матросы втащили раненую птицу на борт и привязали ее за ногу, а она тщетно пыталась уйти от своих мучителей, с трудом волоча за собой два огромных тяжелых крыла.

...Третью ночь подряд ему снится Каролина. Она говорит, что 300 франков — большие деньги и что в понедельник она должна уехать... Дальнейших слов он не слышит. Сон обрывается всегда на одном и том же месте: едва он подходит к матери, на ее месте возникает Жанна Дюваль...

Впервые Бодлер встретил Жанну Дюваль в театре Порт-Сент-Антуан вскоре после возвращения из морского путешествия. Кареглазая гаитянка с роскошными чуть вьющимися волосами привлекла его внимание кошачьей грацией, толстыми чувственными губами, небольшой острой грудью и широкими бедрами. Он влюбился в нее с первого взгляда. Посвятил ей множество стихов:

«Хотя злые брови странного твоего лица
Не напоминают небесную красоту,
Ты ведьма с огненными глазами,
Ты моя страсть, страшная, дикая,
И как священник своего идола,
Так я тебя запираю в своем верующем сердце».

Жанна, несмотря на то, что Бодлер исполняет любые ее прихоти, ведет себя вызывающе: совершенно открыто, никого не стесняясь, изменяет ему с каждым, кто попадается на ее пути, и даже принимает случайных клиентов на улице Фамм-сен-Тет.

Тем не менее, в письме к матери от 26 марта 1853 года Бодлер делает неожиданное признание:

«Она меня заставляла страдать... Но перед подобным разрушением и такой глубокой печалью я чувствую, как мои глаза наполняются слезами и — чтобы быть до конца откровенным — сердце угрызениями. Дважды я закладывал ее драгоценности и мебель, заставлял влезать для меня в долги, подписывать векселя, избил ее и, наконец, вместо того чтобы показать ей, как должен вести себя такой человек, как я, всегда подавал пример распутства и беспорядочной жизни. Она страдает — и она молчит. — Разве нет причины для угрызений? Разве не я виноват в этом, как и во всем остальном?»

Однажды, вернувшись ранее обычного, Шарль застал ее с парикмахером. И не сделал ровным счетом ничего! Она была слишком дорогá ему, он не мог с ней расстаться. Впрочем, Бодлеру было не привыкать к унижениям. Вечные долги, постоянная зависимость от Нарсиса Дезире Анселя, «нотариуса из предместья», с ужимками и причмокиваниями выдававшего ему грошй из отцовского наследства, показное добродушие генерала Опики. Похоже, унижения вдохновляли его.

Недаром Жюль Лафорг назвал «Цветы зла» «чувственной ипохондрией, переходящей в мученичество».

Именно Жюль Лафорг в отрывочных заметках, посвященных «Цветам зла», попытался зафиксировать тот самый «новый трепет», о котором в известном письме Бодлеру говорил Гюго. По словам Лафорга, Бодлер был первым, кто сказал: «Поэзия — удел посвященных. Публикой я проклят — и прекрасно — сюда ей хода нет».

Лафорг прожил всего 27 лет, оказав огромное влияние на многих поэтов, в том числе на Элиота. В 1885 году у него выходит первая книга стихов «Жалобы», вскоре после нее — «Подражание богоматери луне». Некоторые из его стихотворений обладают загадочной, завораживающей красотой:

РОЖДЕСТВО СКЕПТИКА

Рождественский трезвон, и я один в ночи,
Перо отложено, безбожный стих не кончен...
Воспоминанье, пой! Опять в душе горчит,
И гордость ни к чему... О, громче, память, громче!

А где-то там, вдали, собор огни зажег —
И как противиться рождественскому хору?
В нем материнский зов, и просьба, и упрек,
И сердце так щемит, что в голос плакать впору...

И долго слушаю колокола в ночи,
Не нужный никому и сам себе помеха.
Мне холодно, темно, а ветер мимо мчит
Земного праздника торжественное эхо.

(Перевод Э. Линецкой)

---

13 июля 1857 года Флобер пишет Бодлеру: «Сперва я проглотил вашу книгу от начала до конца, точно кухарка фельетон, а теперь, с неделю как перечитываю стих за стихом, слово за словом, и скажу откровенно, мне она нравится и восхищает меня <...> Вы тверды, как мрамор, и пронизываете, как туман в Англии».

Флоберу, по-видимому, полюбили слово «туман». 27 июля 1852 года в письме Луизе Коле он пишет: «В сущности, я — человек туманов».

В 1866 году в письме г-же Роже де Женетт он все еще говорит о туманах: «Сейчас я в полном одиночестве. Туман еще более усугубляет тишину, вас словно покрывает большой белесый могильный холм».

Остается повторить вслед за Сартром: «За мной и поныне водится этот грешок — панибратство. Со знаменитыми покойниками я на “ты”, о Бодлере, Флобере высказываюсь без обиняков, и, когда мне это ставят в вину, меня так и подмывает ответить: “Не суйте нос не в свое дело”...»

Из письма Виктора Гюго Бодлеру: «Что Вы делаете, когда пишете такие поразительные стихи, как “Семь стариков” и “Старушки”, которые Вы посвятили мне, за что я Вас благодарю? Что Вы делаете? Вы шагаете. Вы двигаетесь вперед. Вы зажигаете на небосводе Искусства какой-то новый, мрачный луч. Вы вызываете новый трепет...»

Шарль Бодлер

СТАРУШКИ

Виктору Гюго

I

В дёбрях старых столиц, на панелях, бульварах,
Где во всем, даже в мерзком, есть некий магнит,
Мир прелестных существ, одиноких и старых,
Любопытство мое роковое манит.

Это женщины в прошлом, уродины эти —
Эпонины, Лаисы! Возлюбим же их!
Под холодным пальтишком, в дырявом жакете
Есть живая душа у хромых, у кривых.

Ковыляет, исхлестана ветром, такая,
На грохочущий óмнибус в страхе косясь,
Как реликвию, сумочку в пальцах сжимая,
На которой узорная вышита вязь.

То бочком, то вприпрыжку — не хочет, а пляшет,
Будто дергает бес колокольчик смешной,
Будто кукла, сломавшись, ручонкою машет
Невпопад! Но у этой разбитой, больной,

У подстреленной лани глаза точно сверла —
И мерцают, как ночью в канавах вода.
Взгляд божественный, странно сжимающий горло,
Взгляд ребенка — и в нем удивленье всегда.

Гроб старушки, — наверное, вы замечали —
Чуть побольше, чем детский, и вот отчего
Схожий символ, пронзительный символ печали,
Все познавшая смерть опускает в него.

И невольно я думаю, видя спешащий
Сквозь толкучку парижскую призрак такой,
Что к своей колыбели, к другой, настоящей,
Он уж близок, он скоро узнает покой.

Впрочем, каюсь: при виде фигур безобразных,
В геометры не метя, я как-то хотел
Подсчитать: сколько ж надобно ящичков разных
Для испорченных очень по-разному тел.

Их глаза — это слез неизбывных озера,
Это горны, где блестками стынет металл,
И пленится навек обаяньем их взора
Тот, кто злобу Судьбы на себе испытал.

.....
.....

(Перевод В. Левика)

Душераздирающий вопль перед лицом старости и неизбежной смерти. От этих стихов на губах навсегда остается привкус пепла.

Нечто подобное можно найти у Чорана:

«Как же она мне близка, та безумная старуха, которая бежала за временем, которая пыталась поймать клочок времени».

Интересны воспоминания Асселино, одного из самых верных друзей Бодлера:

«Бодлер забавлялся в это время сочинением безумных стихов. В них видна его любовь к маскам и к перевоплощению, заставлявшая сочинять стихи религиозные, военные и проч. Одно из них он мне прочел в тот вечер. В нем выражалась горечь любовника, чью любовницу на его глазах насилует целая армия. Участие принимали драгуны, артиллеристы, тамбур-мажоры и даже инвалиды».

Т. С. Элиот: «Его проституток, мулатов, иудеек, змей, котов, трупов — вкупе нелегко вынести».

Эмиль Чоран: «Если Ницше, Прусту, Бодлеру или Рембо удалось пережить все колебания моды, то обязаны они этим своей бескорыстной жестокости, своей дьявольской хирургии, обилию своей желчи».

За год до смерти Бодлер пишет из Брюсселя письмо Жюлю Труба:

«...Я получил от г-на Лемера два из трех номеров "Л'Ар", где напечатана касающаяся меня статья¹... Этим молодым людям, бесспорно, не занимать таланта, но сколько безумств! сколько неточностей! сколько

---

¹ Речь идет о статье Верлена о «Цветях Зла»; ее невероятный успех способствовал тому, что Бодлера стали называть главой нового поэтического направления, «школы Бодлера».

ко преувеличений! какая нехватка точности! Говоря по правде, они внушают мне отчаянный страх! Больше всего я люблю быть один».

Он испытывает отвращение к каждодневному труду. «Мне было невероятно трудно усадить себя за работу», — пишет Бодлер матери в августе 1851 года. Работе он предпочитает беседы с приятелями, посещения публичных домов или бесконечные походы в театр.

В своей книге о Бодлере Анри Труайя приводит забавные подробности его жизни:

«Иногда по вечерам он ходил также в казино “Каде”, известное малопристойными танцами, канканом и назойливыми проститутками. Чаще всего его спутниками были Шанфлёр и Константен Гис. Он бродил там с мрачным видом, среди разгоряченных девиц и игривых участников ужина. Играла оглушительная музыка, юбки взлетали выше колен, у всех был жизнерадостный вид, все спешили насладиться жизнью, — все, кроме этого никогда не улыбавшегося гостя в черном, с глазами убийцы. Случайно встретив его в толпе веселящихся, Шарль Монселе спросил: “Что вы тут делаете, Бодлер?” Тот невозмутимо ответил: “Дорогой друг, я рассматриваю окружающие меня черепа”».

---

13 марта 1856 года в письме Шарлю Асселино Бодлер рассказывает о необычном сне, приснившемся ему накануне:

«...Было 2 или 3 часа ночи (во сне), и я прогуливался в одиночестве по улицам. Я встречаю *Кастия*, которому, как мне думается, нужно сделать множество дел, и говорю ему, что составлю ему компанию и что воспользуюсь коляской, чтобы съездить по одному личному делу. Итак, мы берем коляску. Я считал

своим *долгом* подарить хозяйке одного публичного дома собственную книгу, которая только что вышла. Взглянув на книгу, которую я держал в руке, я *обнаружил*, что она — *непристойная*, это мне объяснило *необходимость* подарить сей труд этой даме. Кроме того, в моем мозгу эта *необходимость*, в общем-то, была предлогом отыметь мимоходом одну из девиц заведения, так что получается, что без необходимости подарить книгу я не осмелился бы зайти в подобный дом. Я ничего не сказал об этом *Кастилью*, приказал остановить коляску у дверей этого дома, оставил *Кастилья* в коляске, пообещав, что не заставлю его долго ждать. Сразу же, как только я позвонил и вошел, я заметил, что елда вываливается у меня из растянутых брюк, и я решаю, что в таком виде неприлично заходить даже в подобное место. Ко всему прочему, почувствовав, что у меня насквозь мокрые ноги, я обнаружил, что стою *босиком* в луже у самой лестницы. Ба! — говорю я себе, — я их вымою, перед тем как лягу с ней и до того как уйти отсюда. Поднимая. Начиная с этого момента о книге нет и речи.

Я оказываюсь в просторных галереях, сообщающихся между собой, плохо освещенных, имеющих печальный и поблекший вид, — будто старые кафе, прежние кабинеты для чтения или мерзкие игорные заведения. Девушки, рассеянные по просторным галереям, беседуют с мужчинами, среди которых я вижу лицеистов. — Мне очень грустно и очень неловко; я боюсь, как бы все они не увидели мои ноги. Смотрю на них и замечаю, что на *одной* из них надета туфля. — Через некоторое время обнаруживаю, что обуты обе.

Меня поражает, что стены этих просторных галерей украшены всевозможными рисунками — в рамках. Не все из них неприличные. Есть даже архитектурные чертежи и египетские статуэтки. Поскольку я чувствую себя все более и более смущенным и не осмеливаюсь подойти к какой-нибудь девице, развлекаясь тем, что старательно разглядываю рисунки.

В отдаленной части одной из этих галерей я обнаруживаю очень странную экспозицию. Среди целой кучи маленьких рамок я вижу рисунки, миниатюры,

фотографии. На них изображены разноцветные птицы с очень ярким оперением, глаза этих птиц — *живые*. Иногда *нарисована только половина птицы*. Иногда попадаются изображения существ странных, чудовищных, почти *аморфных*, будто небесных тел, *аэролитов*. В углу каждого рисунка стоит подпись. *Девушка такая-то в возрасте... произвела на свет это существо в таком-то году*; и другие надписи в том же роде.

Меня посещает мысль, что подобные рисунки не очень-то пригодны, чтобы дать представление о любви.

Другая мысль: в целом мире существует на самом деле только одна газета, “Съекль”, чья глупость дошла до того, что они открыли публичный дом и к тому же разместили в нем нечто вроде медицинского музея. Вдруг я говорю себе: да, это же газета “Съекль” наживалась на этих бордельных спекуляциях, а медицинский музей объясняется тем, что они там помешались на *прогрессе, науке, распространении просвещения*. Тогда я подумал, что современные дурость и глупость приносят таинственную пользу и что часто созданное ради зла по законам странной спиритуалистической механики оборачивается во благо.

В глубине души я восхитился верности своего философского склада ума.

Но среди всех этих существ было одно действительно живое. Это чудовище появилось на свет в борделе и теперь вечно стоит на пьедестале. Хотя оно и живое, оно является частью музея. Оно не безобразно. У него даже хорошенькое лицо, очень смуглое, восточного типа. В нем много розового и зеленого. Существо стоит на корточках, но в очень странном и вывернутом положении. Кроме того, что-то черноватое обвивает тело и конечности, словно огромная змея. Я спрашиваю у него, что это, и оно мне отвечает, что это чудовищный аппендикс, который выходит из головы, он эластичный, будто каучуковый, и такой длинный, такой длинный, что, если бы он закрутил его только вокруг головы, как лошадиный хвост, было бы слишком

тяжело и совершенно невозможно его носить, — поэтому ему приходится оббивать его вокруг себя, что, впрочем, производит очень красивый эффект. Я долго беседую с чудищем. Оно делится со мной своими печальями и тревогами. Вот уже много лет ему приходится стоять на пьедестале, оставаться в этом зале на потеху публике. Но его главная проблема — время ужина. Поскольку оно живое, ему приходится ужинать вместе с девицами из заведения — шагать, покачиваясь, вместе со своим каучуковым аппендиксом до столовой, где ему приходится следить, чтобы тот был обернут вокруг него или лежал на стуле, словно моток веревки, ибо, если оно позволит аппендиксу волочиться по земле, тот может вывернуть назад его голову. Кроме того, ему, маленькому и плотному, приходится ужинать рядом с крупной, хорошо сложенной девицей. Впрочем, все эти объяснения оно давало без всякой горечи. Я не осмеливаюсь прикоснуться к нему, но оно меня волнует».

Роберто Калассо в книге «Сон Бодлера» так комментирует этот сон:

«Этот сон надо рассматривать, прежде всего, как рассказ — и рассказ ошеломляющий. Возможно, самый смелый за весь девятнадцатый век. В сравнении с ним «Фантастические рассказы» Эдгара По звучат как робкие и устаревшие, повествование в них подчинено определенным канонам, а также требованиям возвышенности стиля. Сон Бодлера, напротив, лаконичен и сух, речь нервно спотыкается, встает на дыбы».

В связи с этим сном нельзя не вспомнить Лотремона, создателя чудовищных «Песен Мальдорора», безусловно читавшего, а возможно и знавшего наизусть книги По и Бодлера. В частности, такой, например, пассаж:

«Мой член всегда чудовищно раздут, и даже когда пребывает в невозбужденном состоянии, никто из

приблизившихся к нему (а мало ли их было!) не мог выдержать его вида, даже тот грубый чистильщик сапог, который в припадке безумия всадил в него нож».

Дадаист и сюрреалист Рене Кревель, ознакомившись с безумными и кощунственными «Песнями» Лотреамона, писал:

«Фразы скользили, как клинки, в моем мозгу.
И кровь лилась из моих висков, как колокольный звон».

Через восемь лет после того, как он рассказал о своем сне Асселино, Бодлер в письме Теофилю Торе делает важное признание:

«Знаете ли, отчего я с таким терпением переводил По? Оттого что он на меня походил. В первый же раз, открыв одну из его книг, я с ужасом и восторгом обнаружил не только сюжеты, о которых сам помышлял, но и фразы, продуманные мною, а написанные им двадцатью годами ранее».

В книге «Мое обнаженное сердце» Бодлер, рассуждая о трагической судьбе Эдгара По, находит замечательные слова, которые с полным правом можно отнести к нему самому:

«Какая горестная трагедия — жизнь Эдгара По! Его смерть, его ужасная нужда, ужас которой лишь усугубляется ее пошлостью! Из всех свидетельств, которые мне довелось прочесть, я вынес убеждение, что Соединенные Штаты были для По лишь пространной тюрьмой, по которой он метался с лихорадочным возбуждением существа, созданного, чтобы дышать в более благоуханном мире, нежели это освещенное газом варварство, и его внутренняя, духовная жизнь поэта, пусть даже пьяницы, была лишь беспрестанным усилием, чтобы избежать влияния губительной среды».

По словам Ива Бонфуа, Бодлер изменил поэтическую оптику. Он отыскивает прекрасное в безобразном, а в прекрасном ищет следы омерзительного.

Об этом же писала Лидия Гинзбург: «Красивая вещь встречается со страшной вещью — вот поэтический мир Бодлера».

А вот высказывание самого Бодлера: «Удивительная привилегия: ужас, выраженный посредством искусства, превращается в красоту, и разъединенная, ритмизованная боль духа наполняется спокойной радостью».

С начала января 1855 года он не находит себе места, мечется из угла в угол, беспрестанно меняет гостиницы, переезжая из одного района Парижа в другой в поисках недорогого, уютного жилища. Как всегда, Бодлер рассказывает об этом Каролине в длинных письмах, где каждая буква кричит о том, как он несчастен и как ему опять (в который раз!) нужны деньги.

«За месяц мне пришлось шесть раз переезжать, жить в непросохших после ремонта комнатах, спать в кроватях, полных блох, письма ко мне (самые важные) теряются, потому что я переезжал из отеля в отель, и поэтому я решил жить и работать в типографии, поскольку дома не было условий <...> Работа для «Пэи» кончается через три дня, и нужно будет начинать что-то другое, а при этом у меня нет жилья, потому что нельзя же назвать жильем мою дыру, где совершенно нет мебели, где мои книги валяются на полу <...> И самое смешное, что именно в таких невыносимых условиях, которые меня изнашивают, я должен писать стихи, а это же ведь для меня самое что ни на есть утомительное занятие».

При малейшей потребности в деньгах он вынужден обращаться к Анселю. Тот, как заклинание, повторяет одну и ту же фразу: «Необходимо разрешение матери». Однажды, чтобы купить обычный умывальник, ему пришлось тащиться из пригорода Парижа Нёйи, где жил нотариус, на Вандомскую площадь, расположенную в центре города. У дома он остановил экипаж и отправил Каролине записку:

«Только в случае крайней необходимости, например, *когда я очень голоден*, я обращаюсь к Вам, настолько мне все это отвратительно, настолько надоело. В довершение всего г-н Ансель требует Вашего разрешения. Вот почему, несмотря на дурную погоду и усталость, я приехал ходатайствовать о том, чтобы Вы позволили мне получить в Нёйи деньги, чтобы купить <...> *умывальныйник* и иметь возможность питаться в течение нескольких дней».

В октябре 1857 года братья Гонкур описали в своем «Дневнике» посещение кафе «Риш», в котором бывали многие писатели, в том числе Бодлер:

«Рядом ужинает Бодлер. Без галстука, с растегнутым воротом и со своей бритой головой он похож на человека, идущего на гильотину. Единственный признак изысканности — лайковые перчатки, маленькие, до белизны вымытые руки, ухоженные ногти. Голова безумца, голос резкий, как лезвие ножа. Менторская манера говорить; метит в сходство с Сен-Жюстом, и это ему удается...»

Все, кто знал Бодлера в молодости, в один голос утверждали, что он был очень красив. Теофиль Готье, Теодор де Банвиль и многие другие. Жюль Валлес, познакомившийся с ним гораздо позже, придерживался иного мнения. Он так описал Бодлера: «У него была голова актера; выбритые щеки, розовые и надутые, лоснящийся нос с приплюснутым кончиком, губы кривились в нервной жеманной ухмылке, выражение лица было напряженным... в нем было понемногу от попа, старухи и от лицедея. Но больше — от лицедея».

Впрочем, в те благословенные времена писатели любили поливать друг друга грязью. О самом Валлесе в «Дневнике» братьев Гонкур можно прочесть следующую

щее: «Валлес нянчится со своей озлобленностью, лелеет и холит ее, разжигает ее, никогда не растает с ней, поддерживает ее кипение, понимая, что без нее он уподобится тенору, утратившему свое *нижнее до*».

И еще: «Кстати, о ночевке Валлеса у Золя: он отказался надеть ночную сорочку и спал голым. В этой комической подробности он сказался целиком: таков он и в литературе, — любитель оголяться».

Тем временем Жанна стала изменять ему с еще большим рвением. Для полного комплекта ей оставалось переспать разве что с конной статуей короля Генриха IV.

Бодлер, в свою очередь, страстно влюбляется в Аполлонию Сабатье, хозяйку салона, в котором частыми гостями были Теофиль Готье, Гюстав Флобер, Жюль Барбе д'Оревильи и многие другие. С легкой руки Готье ее окрестили «Президентшей». В шестнадцать лет она поступила на содержание к состоятельному бельгийскому банкиру Альфреду Моссельману. Он поселил ее в доме номер 4 по улице Фрошо, неподалеку от площади Барьер-Монмартр. Аполлония была хороша собой, при этом она всегда твердо знала, что ей нужно и чего она хочет.

«Довольно высокая, пропорционально сложенная женщина с тонкими лодыжками и очень изящными руками», — так писала о ней Джудит, дочь Теофиля Готье.

Роберто Калассо в книге «Сон Бодлера» охарактеризовал Аполлонию следующими словами: «Мадам Сабатье стала содержанкой, как иные становятся хирургами, ботаниками или саперами».

В декабре 1852 года Бодлер написал мадам Сабатье письмо, снабдив его посвященным ей любовным стихотворением под названием «Слишком веселой». Почерк был изменен.

«Твои черты, твой смех, твой взор
Прекрасны, как пейзаж прекрасен.
Когда невозмутимо ясен
Весенний голубой простор...»

Стихотворение заканчивалось строфой:

«Как боль блаженная остра!
Твоими новыми устами
Завороженный, как мечтами,
В них яд извергну мой, сестра!»

(Перевод В. Микушевича)

Позднее эти четыре строчки привели в ужас судей и побудили их включить стихотворение в список «осужденных». В примечании ко второму изданию «Цветов зла» Бодлер сделал уточнение: «Очевидно, что слово “яд” в значении “сплин или меланхолия” было для судей слишком простой идеей. Пусть же эта сифилитическая трактовка остается на их совести».

---

3 мая 1853 года он посылает ей второе стихотворение, написанное, по всей видимости, в версальском борделе. Позднее оно было опубликовано в «Цветках зла» под названием «Духовный рассвет».

«Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?
Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?
И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь
Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?»

.....
(Перевод И. Анненского)

По прошествии нескольких лет Аполлония все-таки отдалась ему в крошечном отеле на улице Жан-Жака Руссо. Встреча произошла в обстановке величайшей сек-

ретности. В течение нескольких минут Бодлер с недоумением рассматривал ее увядшие прелести: располневший бюст и оплывшие бедра, затем, несмотря на внезапно появившуюся слабость в ногах, выполнил то, что от него требовалось, правда, без особого энтузиазма! Тем не менее, Аполлония осталась довольна.

На следующий день она написала ему письмо: «Мне кажется, что я твоя с первого же дня, как тебя увидела. Делай что хочешь, но я твоя и душой, и сердцем, и телом». Прочитав эти слова, Бодлер с ужасом подумал о том, что Аполлония после случившегося, возможно, захочет оставить богача Моссельмана и переехать к нему, в то время как сам он мечтал совсем о другом.

Всепоглощающая любовь к мадам Сабатье не мешала Бодлеру встречаться с другими женщинами, имена и адреса которых он записывал в специальный блокнот с особой тщательностью. Одной из них была актриса Мари Добрен. Когда-то у них был роман, но он продлился недолго, и расстались они не очень хорошо. Теперь, через семь лет, Бодлер встретился с ней в театре «Гэте», и между ними снова вспыхнула страсть. Он посвятил ей свою «Осеннюю песню»:

«...Люблю зеленый блеск в глазах с разрезом длинным,
В твоих глазах — но всё сегодня горько мне.
И что твоя любовь, твой будуар с камином
В сравнении с лучом, скользнувшим по волне.

И всё ж люби меня! Пускай, сердечной смутой
Истерзанный, я зол, я груб — люби меня!
Будь матерью, сестрой, будь ласковой минутой
Роскошной осени иль гаснущего дня.

Игра идет к концу! Добычи жаждет Лета.
Дай у колен твоих склониться головой,
Чтоб я, грустя во тьме о белом зное лета,
Хоть луч почувствовал — последний, но живой».

(Перевод В. Левика)

Когда его связь с Аполлонией Сабатье наконец-то прервалась, а Мари Добрен вернулась к своему прежнему любовнику, Теодору де Банвилю, он, недолго раздумывая, возобновил отношения с Жанной Дюваль. Какое-то время они живут в доме на улице Ангулем-дю-Тампл, затем переезжают в гостиницу «Вольтер».

Проходит совсем немного времени, и все становится на свои места: после очередного, уже привычного для них обоих, скандала Бодлер расстается с Жанной, на этот раз, по-видимому, навсегда. В сентябре 1856 года в письме к матери он пишет:

«Я сейчас одинок, совсем одинок, и, скорее всего, навеки. Ибо я больше не могу, просто хотя бы с точки зрения морали, доверять не только людям, но и себе самому, поскольку отныне мне остается заниматься лишь денежными делами и вопросами, связанными с удовлетворением тщеславия, и получать радость только от литературы».

В этот тяжелый период своей жизни он опять задумывается о смерти. Перед глазами нет-нет, да и возникнет образ Нерваля, год назад повесившегося на улице Вьей-Лантерн. Этот случай не выходит у него из головы. Ну что ж, пора выбирать: либо покончить с собой, как об этом мечтал Флобер («Все мне опротивело. Мне кажется, я бы с наслаждением сейчас повесился, — только гордость мешает...») либо, как позже написал Блэз Сандрар, «...сочинить молитву в духе Бодлера».

Он выбирает второе.

Бодлер предполагал напечатать «Лимбы» у Мишеля Леви, выпустившего в свет «Салон 1846 года» и еще несколько книг, имевших успех, в том числе «Сцены из жизни богемы» Анри Мюрже. Именно Мишелю Леви Нерваль доверил свои последние произведения перед тем, как покончить с собой.

Практически всю свою жизнь Мюрже провел в нищете. В 1844 году в письме старому школьному товарищу он писал:

«За три месяца не было ни одного дня, когда бы я не страдал от голода... Я не мог ни проверить, есть ли письма, ни встретиться с кем-либо в городе, одежда моя была в таком состоянии, что я не решался выйти на улицу среди бела дня».

Вот как он описывал своих персонажей, представителей тогдашней богемы: композиторов, художников и философов, живущих наотмашь, без оглядки, знающих не понаслышке, что такое нищета, в своей остроумной и трогательной повести «Сцены из жизни богемы»:

«Для облегчения и упорядочения сбора подати, которую он в силу необходимости взимал с состоятельных людей, Шонар составил таблицу, где в алфавитном порядке значились все его друзья и знакомые, проживающие в том или ином районе города. Против каждого имени значилась сумма, какую можно занять у этого человека в зависимости от его состояния, дни, когда он должен быть при деньгах, а также часы обеда и ужина, и меню, обычное для данного дома. Кроме того, Шонар вел книгу, куда тщательно заносились все занятые им суммы, вплоть до самых ничтожных, ибо он не хотел, чтобы общая сумма его долгов превысила наследство, которое он надеялся со временем получить от дяди-нормандца».

Братья Гонкур внесли в «Дневник» несколько горьких строк:

«...Мюрже при смерти; он умирает от ужасающей болезни, при которой человек гниет заживо, от старческой гангрены, еще усугубленной карбункулами, — тело распадается на отдельные куски. На днях кто-то стал подстригать ему усы — и усы остались в руке вместе с губой. Рикор говорит, что, если ампутировать ему обе ноги, это продлит ему жизнь, но на неделю, не больше».

«Цветы Зла» поступили в продажу 25 июня 1857 года. Сразу после выхода сборника в начале июля некто Гюстав Бурден опубликовал в *Le Figaro* рецензию, в которой заявил, что стихи Бодлера заставили его усомниться в психическом здоровье автора. «Гнусность соседствует здесь с низостью, а мерзость источает смрад... Я никогда не слышал, — писал он, — чтобы так много грудей кусали — скорее, жевали! — на протяжении всего нескольких страниц; никогда не видел такой череды бевсов, зародышей, демонов, кошек и прочей дряни».

Поначалу Бодлер не придает большого значения рецензии Бурдена. Однако уже на следующий день после публикации статьи следователь парижского Трибунала заводит личное дело на него и издателей его книги, а еще через день министр внутренних дел подписывает ордер на арест книги.

---

20 августа 1857 года в здании Дворца правосудия на острове Сите состоялся суд, рассмотревший иск Главного управления общественной безопасности к поэту Шарлю Бодлеру и издателям Огюсту Пуле-Маласси и Эжену де Брузу, выпустившим тиражом в тысячу экземпля-

ров стихотворный сборник «Цветы зла». Бодлера обвиняют в скабрёзности, сотрясении устоев общественной морали и приговаривают к штрафу в 300 франков.

И все же ни уничтожающая критика, ни многочисленные оскорбительные статьи, ни судебный процесс не нанесли ему значительного вреда, скорее, наоборот — послужили укреплению его известности...

...В последние годы жизни здоровье Бодлера начало стремительно ухудшаться. Его преследовали удушье, головноекружение, головные боли. Он уже не мог обходиться без наркотиков. После двух лет пребывания в Бельгии умирающего поэта перевезли в Париж.

Акутагава Рюноске за месяц до того, как принять смертельную дозу снотворного, завершил работу над автобиографической повестью «Жизнь идиота», в которой, в частности, написал следующее: «Человеческая жизнь не стóит и одной строки Бодлера...»

Шарль Бодлер умер в Париже в 1867 году в последний день лета.

**ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ
МАНДЕЛЬШТАМА**

**(Заметки о поэзии,
дневниковые записи)**

Не повинуется мне перо: оно расщепилось и
разбрызгало свою черную кровь.

О. Мандельштам «Египетская марка»

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

К полуночи я наконец добрался домой...

Стоял холодный бесснежный январь.

Я шел по спящему городу, упрямо повторяя врезавшуюся в память строку: «Я развернул пальто, как парус»¹...

Именно этой зимой я начал писать заметки о Мандельштаме. Даже название придумал: «Чёрное солнце Мандельштама». Не солнце Эреба, не образ, отсылающий к Нервалю, которого обожала Ахматова, а, по словам Надежды Яковлевны, — *черный бархат всемирной пустоты, черный лед стигийского воспоминания, черная Нева и черные сугробы революционного Петербурга...*

Этот образ («черное солнце») встречается также в стихах Виктора Гюго: «Un affreux soleil noir d'où rayonne la nuit» («Ужасное черное солнце, излучающее ночь...»).

«БРЕД СОБАЧИЙ!»

В «Дневнике одного гения» Сальвадор Дали без особого почтения отзывается о своих соотечественниках, у которых завелась «дурацкая <...> мода, когда все кому не лень воображают, будто гении <...> это человеческие существа, более или менее похожие на всех остальных простых смертных. Всё это чушь».

Мандельштам (если верить Кузину) тоже любил повторять: «Чушь! Бред собачий!»

---

¹ Стихотворение Ю. Боброва.

В мемуарах, помеченных октябрём 1970 г., Б. Кузин вспоминает, как Мандельштам, прощаясь, кричал ему, высунувшись из пролётки: «Борис Сергеевич, не носите крахмальные воротнички. Их нельзя носить. Они вас погубят»¹.

Не погубили! Кузин, несмотря на три года лагерей и шестнадцать — ссылки, всего десять лет не дожидаясь перестройки.

ИТАЛИЯ

Новый год встречал у Левита-Броуна.

В Вероне шёл дождь. Мы сидели на кухне, говорили о погоде, потом — о стихах.

— Я небольшой поклонник Блока, — несколько агрессивно заметил Броун.

Меня это удивило. А как же:

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух...

— Красиво... — процедил Броун, после чего неожиданно замолчал.

В это время небольшая черная кошка с уродливо торчащим животом, не спеша, прошла по балкону.

Я налил себе чаю.

Ну что ж, Бунин тоже не любил Блока.

И Арсений Тарковский под конец жизни с горечью произнёс: «Я не люблю Блока. Знаете, разлюбил... Почувствовал ужас перед “И перья страуса склоненные / В моем качаются мозгу...”»².

---

¹ Ср.: «Не носите эту шляпу, — говорил О.М. Борису Кузину, — нельзя выделяться — это плохо кончится». *Мандельштам Н.Я.*, Воспоминания.

² *Тарковский А.* Пунктир. 1982.

«ДОМАШНЕЕ БЕССМЕРТИЕ»

«Наконец мы обрели внутреннюю свободу, настоящее внутреннее веселье, — пишет Мандельштам в статье “Слово и культура”. — Воду в глиняных кувшинах пьем как вино».

Интересно, что и в его стихах (самых разных лет) постоянно возникают образы, так или иначе связанные с водой: «Прозрачный стакан с ледяною водою...», «Словно темную воду, я пью помутившийся воздух...», «Хорошая, колючая, сухая / И самая правдивая вода...», «кривой воды напьюсь...» Вплоть до: «Скольжу к обледелой водочаке / И, спотыкаясь, мертвый воздух ем».

А вот цитата из «Египетской марки» (1928):

Семья моя, я предлагаю тебе герб: стакан с кипяченой водой. В резиновом привкусе петербургской отварной воды я пью неудавшееся домашнее бессмертие.

Пушкин в отличие от Мандельштама пил другие напитки: «Я воды Леты пью...»¹

«ДИКОЕ МЯСО»

В статье «Преодолевшие символизм» Жирмунский называет Мандельштама «фантастом слов».

У Гоголя (если я ничего не путаю) есть рассуждение о природе фантастического, где он утверждает (цитирую по памяти), что на грушевом дереве могут расти золотые плоды — груши, но никогда — яблоки.

Меня всегда поражала, несмотря на чудовищные семантические (читай: тектонические) сдвиги в стихах и, особенно, в прозе Мандельштама («В ремесле словесном я ценю только дикое мясо, только сумасшедший нарост»²) невероятная, абсолютная, беспощадная точность

---

¹ Пушкин А. Домик в Коломне.

² Мандельштам О. Четвертая проза.

его метафор. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы «мраморную плаху умывальника» из «Египетской марки».

«ВЕТЕР ЛЕТАРГИИ»

По просьбе дам,
хвостом помазав губы,
я заговорил на свеже-рыбьем языке!

А. Кручёных

Перечитываю Алексея Кручёных. Какая прелесть!
Цитирую наугад:

«Очевидно, с каждым веком подрастает некая сила, подобная ветру, которая все упорнее мешает поэтам стрелять прямо в цель и требует изощренной баллистики».

(Терентьев)

...Поскольку мистика символистов кончилась трагично, к ним применимы слова поэта А. Чачикова:

Проезжий фокусник увез мою жену,
Влюбленную в египетские тайны...

...Р. Якобсон поэтому имел полное право писать: «по существу всякое слово поэтического языка в сопоставлении с языком практическим — как фонетически, так и семантически — деформировано!»

«Вокруг земли <...> дует ветер летаргии».
(Терентьев)¹

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

Еще об Италии...

В пол-третьего ночи мы с Борисом встречаемся на кухне. Этакое *броуновское* движение. Броун, не торопясь, ополаскивает заварочный чайник. Меня, честно говоря,

---

¹ Кручёных А. Кукиш пошлякам.

уже воротит от чая. Но... мы не можем разойтись по комнатам, поскольку продолжаем говорить о Георгии Иванове. Каждый спешит произнести вслух любимые строки.

Я:

...Зимний день. Петербург. С Гумилёвым вдвоём,
Вдоль замёрзшей Невы, как по берегу Леты,
Мы спокойно, классически просто идём,
Как попарно когда-то ходили поэты.

Левит-Броун:

Мне весна ничего не сказала —
Не могла. Может быть — не нашлась.
Только в мутном пролёте вокзала
Мимолётная люстра зажглась.

Только кто-то кому-то с перрона
Поклонился в ночной синеве,
Только слабо блеснула корона
На несчастной моей голове.

Засеваем, так сказать, *пшеницей* ледяной новогодний *эфир*. Кстати, «эфир» — одно из любимейших слов Г. Иванова.

«ЗВУКОВЫЕ ПОВТОРЫ»

Осип Брик в статье «Звуковые повторы» опубликованной в 1917 году писал:

Разбирая звуковую структуру поэтической речи, преимущественно по стихотворным произведениям Пушкина и Лермонтова, я обнаружил звуковое явление, которое назвал повтором.

Сущность повтора заключается в том, что некоторые группы согласных повторяются один или несколько раз, в той же или измененной последовательности, с различным составом сопутствующих гласных.

Он приводит множество примеров:

и **к**р**о**вь шир**о**к**и**ми струями
на чеп**р**ак**е** его видна.
(Лермонтов, «Демон»)

Или:

как **в**з**о**р **г**ру**з**инки молодой.
(Лермонтов, «Демон») и т.д.

Перечитывая статью, вспомнил пушкинские строки:

Во глубине **с**иб**и**рских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш **с**ко**р**бный труд...
(«Во глубине сибирских руд...»)

А также — вторую строфу из стихотворения Мандельштама «Декабрист»:

Честолюбивый сон он променял на **сруб**
В глухом урочище **С**иб**и**ри
И вычурный чубук у ядовитых губ,
Сказавших правду в **с**ко**р**бном мире.

И у Пушкина, и у Мандельштама эпитет «скорбный» произрастает из «фонетической» Сибири, отчего воздействие его усиливается многократно.

«ТОСКА ПО МНОГОСЛОВИЮ»

«Карамзина спрашивали, откуда у него такой дивный слог. Из камина, батюшка, сказал он. “Напишу, и в огонь, напишу снова и снова — в огонь”», — я обна-

ружил эти слова в 8-м томе Собрания сочинений Бориса Хазанова, которое готовил к печати для издательства «Алетейя» на протяжении двух последних лет. В эссе «Тоска по многословию».

В позапрошлом году я приезжал к Хазанову в Мюнхен. Поезд пришел с опозданием. Я почему-то ожидал увидеть гиганта. Увидел человека небольшого роста (казалось, он никуда не спешил), с любопытством разглядывающего толпу.

«ВЛАДЕЛЕЦ ШАРМАНКИ»

Из прозы Цыбулевского («Владелец шарманки»):

— Я верю в сны как в художественные произведения.

— Сон как рукой сняло, и во сне сняло рукою — это что — все одна и та же рука?

Хозяин сладко зевнул, гость вышел и стал прогуливаться по саду меж двух рядов цветущих деревьев. За оградой — луг с пасущимся конем.

— Что может прийти в голову в такое утро при виде полоски воды, обрамленной лугом?

Я видел озеро, стоящее отвесно (Мандельштам). И еще: Круглый луг, неживая вода (Ахматова). Вспомнил — как сотворил. Природа не может и шелхнуться без строки поэта.

Я ухо приложил к земле (Блок) — какая прекрасная буквальность! И он приложил ухо к земле — и сердце — терапия такая — тут в саду дор. мастера с переносными на балконе дорожными знаками: идут работы — объезд.

Дом. Сад. Пчелы. Цветенье. Низкорослые деревья. Деловое жужжание пчел. А горький запах откуда? Оттуда — от ореховых листьев — настой в воздухе.

И дождь перед дождем — яблоневого цвета — ураганный.

Капли первые в лоб, как в окно.

Женщина-Дон-Кихот ждет Росинанта в поле — она далеко — он еще дальше — белый на зеленом — она — оранжевая. И озеро, стоящее отвесно.

Гром. Гром покати́л. С чем его сравнивали до колесниц, до телег? — ведь не с чем! И колесо выдумали, и колесницу изобрели благодаря грому.

Поле опустело.

Не забыть бы, что трава в тот день была осыпана белыми лепестками.

«Сон как рукой сняло...» О чем это я? Да всё о том же: «вспомнил — как сотворил».

«В РОСКОШНОЙ БЕДНОСТИ...»¹

Гвоздь вечера — Мандельштам, который приехал, побывав во врангелевской тюрьме.

Дневник А. Блока

«Если бы залы Эрмитажа вдруг сошли с ума, если бы картины всех школ и мастеров вдруг сорвались с гвоздей...» — так начинает Мандельштам один из своих пассажей в «Разговоре о Данте». Чуть дальше он вспоминает о «неизносимых швейцарских башмаках с гвоздями».

О гвоздях говорит в «Шуме времени»: «...держали большую лавку финских товаров <...>, где пахло и смолой и кожами <...> и много было гвоздей» и в «Четвертой прозе»: «Я бы взял с собой мужество в желтой соломенной корзине с целым ворохом пахнущего щелоком белья, а моя шуба висела бы на золотом гвозде».

И еще:

И столько мучительной злости
Таит в себе каждый намек,
Как будто вколачивал гвозди
Некрасова здесь молоток.
(«Квартира тиха как бумага...»)

---

¹ Мандельштам О. «Ещё не умер ты, ещё ты не один...» <15-16 января 1937>.

А вот знаменитые стихи 36-го года:

Оттого все неудачи,
Что я вижу пред собой
Ростовщичий глаз кошачий —

.....

Там, где огненными щами
Угощается Кашей,

.....

Камни трогает клещами,
Щиплет золото гвоздей.

(«Оттого все неудачи...»)

Откуда столько гвоздей?

Разгадка в «Шуме времени»: «Я тогда собирал гвозди: нелепейшая коллекционерская причуда. Я пересыпал кучи гвоздей, как скупой рыцарь, и радовался, как растет мое колючее богатство».

ВЫБОР

Мне кажется, смерть художника не следует выключать из цепи его творческих достижений, а рассматривать как последнее, заключительное звено.

О. Мандельштам. «Скрябин и Христианство»

Телефонный разговор, состоявшийся между Сталиным и Пастернаком, прерывается на самом интересном:

Пастернак. Хотелось бы встретиться с вами, поговорить.

Сталин. О чем?

Пастернак. О жизни и смерти...

Именно об этом всю свою жизнь говорил Мандельштам. О жизни и смерти! Ни о чем другом. В конце концов он швырнул в лицо злодею отлитые из бронзы слова: «Власть отвратительна как руки брадобрея...» («инстинкт самосохранения давно отступил перед эстети-

кой»¹⁾ и совершенно сознательно выбрал для себя «жизнь, полную смерти»²⁾, набросил ее себе на плечи, как гоголевскую шинель.

ДУЭЛЬ

27 ноября 1913 г. в «Бродячей собаке» Мандельштам вызвал Хлебникова на дуэль. «Я как еврей и русский поэт считаю себя оскорбленным...» и т.д.

Дуэли входили в моду.

Незадолго до этого на Черной речке стрелялись Гумилёв с Волошиным. Никто никого не застрелил, однако поссорились на всю жизнь.

Виктору Шкловскому и Павлу Филонову (секундантам Хлебникова и Мандельштама) удалось дуэль предотвратить.

...Много лет спустя уже в Москве Мандельштам пытался выхлопотать для Хлебникова комнату (как всегда безуспешно), а однажды, случайно встретившись с ним в Госиздате, потащил обедать к знакомой уборщице, работавшей в Доме Герцена.

Уборщице кто-то сказал, что Хлебников — странник, и она почтительно называла его батюшкой. Хлебникову это понравилось³⁾.

О несостоявшейся дуэли Мандельштама с А. Толстым ходили легенды.

...Осип Эмильевич искренне был поражен, как это Толстой не вызывает его на поединок, хотя бы на рапирах, которые наш прирожденный дуэлянт своевременно раздобыл в бутафорской Камерного театра. Ожидая секундантов, Мандельштам рьяно тренировался...⁴⁾

---

¹ Бродский И. «Сын цивилизации».

² Аннинский Л. Осип Мандельштам: «...но люблю мою бедную землю...».

³ Старкина С. Велимир Хлебников.

⁴ Мариенгоф А. Бессмертная трилогия.

Перефразируя дневниковую запись Жюль Ренара («Дуэль всегда немного похожа на репетицию дуэли»), возьму на себя смелость предположить, что и человеческая жизнь со всеми её надеждами и разочарованиями порой напоминает репетицию спектакля, который вот-вот должны отменить из-за невежества публики, финансовых неурядиц и бесконечных актёрских склок.

«ВТОРАЯ РЕЧКА»

27 января 1837 года в районе Чёрной речки состоялась дуэль между Пушкиным и Дантесом.

27 декабря 1938 года в лагере «Вторая речка» умер Осип Мандельштам.

I

Церковная хрупкая свечка
горит и горит, не сгорая...
Зловещая Черная речка
и черная речка Вторая.

Монету — орел или решка —
подбросил, со смертью играя...
Зловещая Черная речка
и черная речка Вторая.

Плохая, должно быть, примета —
играть рукояткой узорной
упавшего в снег пистолета
на речке январской и черной.

Нечаянный выстрел, осечка,
и эхо вороньего грая.
Зловещая Черная речка
и черная речка Вторая...

II

Не чуя огромной страны,
он бредил ключом Ипокрены
и видел кровавые сны —
грядущие казни, измены.

Он был собеседник ничей.
И вот отыскалось местечко —
болотистый мутный ручей,
Вторая, декабрьская, речка.

ДЕТСКИЕ СТИХИ

Я совсем маленький. Мама кормит меня из ложки манной кашей и, чтобы ускорить процесс, нараспев (с выражением) читает стихи:

— Ты куда попала, муха?
— В молоко, в молоко.

— Хорошо тебе, старуха?
— Нелегко, нелегко.

— Ты бы вылезла немножко.
— Не могу, не могу.

— Я тебе столовой ложкой
Помогу, помогу.

— Лучше ты меня, бедняжку,
Пожалей, пожалей,

Молоко в другую чашку
Перелей, перелей.

Много позже (уже в зрелом возрасте) я узнал, что это стихи Манделштама. Оказывается, впервые я познакомился с его поэзией почти 60 лет назад в далеком 1954 году, пяти лет от роду.

«Я НЕ УВИЖУ
ЗНАМЕНИТОЙ ФЕДРЫ...»

Читал ли Мандельштам «Федру» Расина? Аверинцев не придавал этому особого значения:

Одни интерпретаторы склонны априорно ожидать от поэта в каждой строке чудес эрудиции, другие, напротив, ссылаются на отложившиеся в анекдоты отголоски пересудов о пробелах в его познаниях, задают провокационные вопросы, вроде такого, например: а дочитал ли он до конца хоть «Федру» Расина, ту «знаменитую «Федру» <...> — которую возвел в ранг одного из абсолютных ориентиров вкуса и нескончаемыми аллюзиями на которую в таком изобилии насыщал свои стихи и прозу?¹

А вот Жирмунский по свидетельству Л.Гинзбург был почти уверен, «что Мандельштам не читал “Федру”; по крайней мере, экземпляр, который Виктор Максимович лично выдал ему из библиотеки романо-германского семинария, у Мандельштама пропал, и скоро его нашли на Александровском рынке»².

Он же впервые обратил ее внимание на странность стихов:

И ветром развеваемые шарфы
Дружинников мелькают при луне...

«Какие могут быть у оссиановских дружинников шарфы?» — недоумевал он.

---

¹ Аверинцев С. Судьба и весть Осипа Мандельштама.

² Гинзбург Л. Записи 1920–1930-х годов.

КРЫША НАД ГОЛОВОЙ

«...кто осмелится сказать, что человеческое жилище, свободный дом человека не должен стоять на земле как лучшее ее украшение и самое прочное из всего, что существует?»

О.Мандельштам, «Гуманизм и современность»

Перелистывая книгу Рюрика Ивнева «Богема», наткнулся на замечательный диалог:

— Осип Эмильевич, куда вы?

— Милый Рюрик, если б у меня был дом, я сказал бы, что иду домой. <...>

— Но вы же где-то ночуете?

Мандельштам:

— Иметь крышу над головой не означает, что ты имеешь дом.

Как известно, Мандельштам никогда не имел ни постоянной крыши над головой, ни, тем более, дома (квартира в Нащокинском не в счёт)...

Вполне возможно, что страсть к перемене мест Мандельштам унаследовал от матери, которая была одержима почти маниакальной страстью к переездам. «Причины были самые неожиданные, но выяснились они обычно только к весне, после очередного осеннего переезда. То ее не устраивал этаж, то детям было далеко ездить в школу на Моховую, то мало было солнечных комнат, то неудобной оказывалась кухня...» — вспоминал брат поэта, Евгений. О мандельштамовской «детской тоске по дому, от которого всегда бежал...» рассказывает Марина Цветаева в мемуарном очерке «История одного посвящения». Да и сам он постоянно говорит об этом.

В стихотворении «Паденье — неизменный спутник страха...» (1912) Мандельштам восклицает:

Твой жребий страшен и твой дом непрочен!..

В другом стихотворении («1 января 1924») пишет:

Мне хочется бежать от своего порога.

Наконец, в широко цитируемом восьмистишии, написанном в 1937 году «Я скажу это начерно, шепотом...», он как бы подводит итог всему ранее сказанному:

И под временным небом чистилища
Забываем мы часто о том,
Что счастливое небохранилище —
Раздвижной и прижизненный дом.

И все-таки, напоследок — строка из стихотворения «Мне скучно здесь...» (1916):

Нас дома ждет Эдем...

...Перед самой гибелью (в 1938 г.), прощаясь с Ахматовой на Московском вокзале, Мандельштам произносит удивительные слова: «...всегда помните, что мой дом — ваш»¹.

РАЗЛУКА

— Сколько времени ты мог бы любить
женщину, которая тебя не любит?
— Которая не любит? Всю жизнь...

Оскар Уайльд

После долгого отсутствия вернулся домой в пустую неприбранную квартиру. Зашел в ванную. Из-под полотенца выпорхнула моль. «Ну вот, хоть кто-то живой есть в доме». Как ни странно, почувствовал себя не так одиноко.

---

¹ Ахматова А. Листки из дневника. Воспоминания об О.Э. Мандельштаме.

Из письма:

...вдруг остро ощутил абсолютную бессмысленность всего происходящего, всей моей жизни, включая наш, если так можно выразиться, брак, всех этих бесконечных потуг направленных на достижение цели...

Вспомнил строку Мандельштама: «Нет стройных слов для жалоб и признаний»¹ и слова Ахматовой, обращенные к нему: «Никто не жалуется — только вы и Овидий жалуетесь»².

Отдернул занавеску, посмотрел в окно, потом — на календарь. Если верить тому, что написано — суббота, 3-е августа, год 2013-й.

СЕНТЯБРЬ

В хорошую я попал компанию: профессор Секундо, доктор Шульц, медсестра Фатима и одноглазый карлик Густав в очках, с бородой и усами, напоминающий одновременно Солженицына и Достоевского.

Карлик с важным видом рассказывает по палате, на нем зелёная майка и синие трусы. У него крепкий торс, мощные волосатые руки. С утра, нахлобучив на голову непомерно большие наушники, он садится за стол и целый день слушает классическую музыку. Перед ним гора компакт-дисков, он их перекладывает с места на место, как карты Таро...

Я в Марбурге. В глазной клинике, где мне сделали операцию по удалению катаракты, после чего глаз ослеп. Теперь врачи пытаются восстановить зрение. Была вторая операция. Потом третья... Я уже немного вижу. У меня ноутбук. На нем — Хичкок, Балабанов, Бергман.

---

¹ Мандельштам О. «Змей» (1910).

² Гинзбург Л. Записи 1920–1930-х годов.

Больница напоминает сумасшедший дом или (что нагляднее) один из кругов ада. Мимо проносятся ангелы в белых халатах, похожие на оперных злодеев (может, все-таки черти?).

...Внезапно двери распахиваются, и в коридор на электрическом (чуть не написал: стуле) самокате въезжает огромный и очень важный немец, чем-то похожий на режиссёра Хотиненко. Правой рукой он сгребает со стеллажа кучу окровавленных пробирок и уносится прочь...

СЕНТЯБРЬ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Вчера сделали укол (прямо в глаз), после чего в течение дня ужасное черное пятно («черное солнце») болталось в левом глазу, приводя меня в ужас — вдруг оно останется там навсегда. Оказалось, это всего лишь пузырьёк воздуха. Со временем пятно исчезло.

...Пожилой турок лопочет что-то невнятное на своем ужасном немецком, что-то связанное с «урологией», где он провел последние три дня, тычет пальцем себе в пах, рассказывает какие-то пикантные подробности...

У Балабанова (в «Кочегаре») и у Бергмана (в «Молчании») обнаружил один и тот же приём. Герои в схожих обстоятельствах (почти слово в слово) говорят одну и ту же фразу: «Здесь невыносимо жарко».

Балабанов умер как-то внезапно, нелепо, ему и 55 не было. Успел сыграть в своём последнем фильме, где его персонаж предсказывает собственную смерть.

Посмотрел еще раз «Фанни и Александр» Бергмана. В память врезались слова из пьесы Стриндберга, прозвучавшие в конце фильма:

Все может быть, все возможно и вероятно, времени и пространства не существует, на тонкой канве действительности воображение плетёт и вяжет новые узоры.

«СЛИШКОМ МНОГО ЦИТАТ!...»

Есть свирель у меня из семи тростинок цикуты...
Публий Вергилий Марон. «Эклога II»

Немногочисленные друзья, которым я давал читать эти заметки, все как в один голос убеждали меня: «Слишком много цитат!..» Я сокрушенно кивал головой, но изменить ничего не мог.

Откуда эта потребность подбирать чужие слова? Свои слова никогда не могут удовлетворить; требования, к ним предъявляемые, равны бесконечности. Чужие слова всегда находка — их берут такими, какие они есть; их все равно нельзя улучшить и переделать. Чужие слова, хотя бы отдаленно и неточно выражающие нашу мысль, действуют, как откровение или как давно искомая и обретенная формула. Отсюда обаяние эпитафий и цитат.

(Из дневников Лидии Гинзбург)

Цитата — цикада¹ — цикута.

Из письма:

...Для того чтобы добиться признания в эпоху заката эры Гуттенберга, одного участия в литературной поножовщине явно недостаточно. Надо либо научиться извлекать выгоду (в том числе материальную) из политических междоусобиц, либо потакать читающей комиксы толпе («Это солнце ночное хоронит

---

¹ «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада. Неумолкаемость ей свойственна. Вцепившись в воздух, она его не отпускает. Эрудиция далеко не тождественна упоминательной клавиатуре, которая и составляет самую сущность образования».

Мандельштам О. Разговор о Данте.

возбужденная играми чернь...»¹), либо... обладать «гениальной способностью быть бесконечно скучным», как сказал по другому поводу Вадим Шершеневич (не путать с Виктором Шендеровичем).

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В конце октября вернулся в Киев. Поселился на улице Бассейной рядом с магазином «Феллини» (торговля обувью), в трех шагах от бессарабского рынка.

Возле подъезда печальный чёрт с осыпавшейся с плеч позолотой сидит на корточках в позе роденовского мыслителя. На мемориальной доске надпись: «В этом доме жила Голда Меир».

Льет дождь.

Редкие прохожие прячутся под зонтами...

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

Когда-то, очень давно, написал стихотворение, посвященное Мандельштаму, эпиграфом к которому послужила строка И. Анненского.

ПАМЯТИ О.М.

Желтый пар петербургской зимы...

И. Анненский

О, эта каменная желтая бравада!
Широких улиц темный разговор...
Из проруби времен, из третьей песни «Ада»
он выбрался — с трудом — на гибельный простор...
Над Петроградом медленные ночи,
и волосы Невы по каменным плечам
разбросаны...

---

¹ Мандельштам О. «Когда в теплой ночи замирает...»

И только совсем недавно из книги О. Лекманова «Осип Мандельштам: Жизнь поэта» узнал, что с вырванным из «Аполлона» листком, где было напечатано стихотворение Анненского «Петербург», Мандельштам не расставался на протяжении всей своей жизни.

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты.
Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.
Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.
А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале, —
Завтра станет ребячьей забавой.
Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.
Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь
Да сознание проклятой ошибки.
Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отравы бесплодных хотений.

(И. Анненский)

ЧЕРНОВИКИ

Чрезвычайно любопытны черновики Пастернака: между первыми набросками и конечным результатом разница примерно такая же, как между каракулями трёхлетнего ребёнка и рисунками позднего Леонардо.

О чем бы я ни думал, мысли постоянно возвращаются к Мандельштаму.

Кто-то (не помню кто, чуть ли не Вознесенский) заметил, что у Пастернака нет слабых строчек. Конечно, есть. Например:

Забором крался конокрад,
Загаром крылся виноград...
(«Цыганских красок достигал...»)

«...поэзия Пастернака <...> безвкусна потому, что бессмертна»¹, — так, несколько путано, выразился Мандельштам.

«ВЫСОКОЕ КОСНОЯЗЫЧИЕ»

Георгий Адамович в статье «Несколько слов о Мандельштаме» вспоминает строку Блока (он считал Блока «гением интонации»), которая, по его мнению, «вернее всего определяет сущность мандельштамовской поэзии, хотя у Блока она относится к женщине: “Бормотаний твоих жемчуга...”». Далее Адамович приводит несколько строк Мандельштама:

Декабрь торжественный струит свое дыханье.
Как будто в комнате тяжелая Нева,
Нет, не Соломинка, — Лигейя, умирание —
Я научился вам, блаженные слова...

---

¹ Мандельштам О. «Заметки о поэзии» (1923).

И в заключение пишет:

«Это действительно — “высокое косноязычие”, по Гумилеву, да и можно ли было бы косноязычие это прояснить?»

НОЯБРЬ

Из письма:

...Ты обижаешься, что я редко пишу. Причина проста: вот уже пятнадцать лет я вынужден ежедневно просматривать десятки (а то и сотни) страниц чужих текстов (вместо того чтобы писать свои!). Кроме того, приходится заниматься версткой. Таким образом, выработалась устойчивая идиосинкразия к печатным знакам.

Как нитки ожерелья, строки рвутся,
и буквы катятся куда хотят...¹

Да и никаких особенных новостей у меня нет.

В конце ноября два дня провел в Петербурге. Ночевал в огромном сером здании, в котором когда-то жил Довлатов.

Вспомнил Коктебель (по дороге мы с тобой поругались). Я занес чемоданы и пошел к морю, на набережную. Едва присел на скамейку, появился Андриевский (как чёрт из табакерки) и ни с того ни с сего процитировал Довлатова: «Лежу совершенно один, с женой...»

Я долго смеялся.

Говорят, Виктор Некрасов в последние годы жизни обронил: «Я могу читать только двух писателей: Бунина и Довлатова».

Пиши...

P.S. Мне так не хватает тебя, особенно когда ты рядом.

---

¹ Рильке Р.-М. «За книгой», перев. Б. Пастернака.

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

Уже кипит в сердцах обида...

Б. Лившиц «Эсхил»

«Я учусь у всех — говорил Мандельштам, зорко поглядывая по сторонам, — даже у Бенедикта Лившица»¹. С Лившицем он сдружился настолько, что тот в своих мемуарах назвал его «товарищем по оружию».

Именно Лившиц весной, когда Мандельштамы перебирались из Киева в Москву, ходил с ними в загс и присутствовал при регистрации их брака.

«Бритый, с римским профилем, сдержанный, сухой и величественный, Лившиц в Киеве держал себя как “мэтр”»: молодые поэты с трепетом знакомились с ним, его реплики и приговоры падали, как нож гильотины: “Гумилев — бездарность”, “Брюсов — выдохся”, “Вячеслав Иванов — философ в стихах”. Он восхищался Блоком и не любил Есенина. Лившиц пропагандировал в Киеве “стихи киевлянки Анны Горенко” — Ахматовой и Осипа Мандельштама. Ему же киевская молодежь была обязана открытием поэзии Иннокентия Анненского»².

Скорее, товарищем по несчастью был ему Мандельштам: 21 сентября 1938 года Бенедикта Лившица вместе с Юрием Юркуном и Валентином Стеничем расстреляли по ленинградскому «писательскому делу».

...Плыви, плыви, родная феорида,
Свой черный парус напрягай!³

---

¹ Мандельштам Н.Я. Вторая книга. М., 1999.

² Терапиано Ю.К. Встречи: 1919–1971. М., 2002.

³ Лившиц Б. «Эсхил».

КЛОЧЬЯ ДЫМА

«Безнадежно. Читаешь все, и ничего не запоминаешь. Как ни напрягаешься, все ускользает. Только кое-где остается несколько клочьев, едва различимых, как клочья дыма, указывающие, что поезд прошел».

Жюль Ренар, «Дневники»

Начать с Лаокоона, затем плавно перейти к Гессе, не забыть Бурлюка, вспомнить о Феллини и лишь затем, вздохнув полной грудью, произнести:

Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,
За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда...¹

Или — совсем уж невозможное:

Пою, когда гортань сыра, душа — суха,
И в меру влажен взор, и не хитрит сознание:
Здорово ли вино? Здоровы ли меха?
Здорово ли в крови Колхиды колыханье?²

NINIL REPUTARE ACTUM...³

Последняя цитата:

...перечитывать себя без тени нежности, без чувства отцовства, с холодной и критической остротой, в жестоко творческом ожидании смешного и уничижительного, с полным безучастием, с рассудительным взглядом, — значит, переделать свой труд или предчувствовать, что можно переделать его совсем наново⁴.

---

¹ *Мандельштам О.* «Сохрани мою речь навсегда...»

² *Мандельштам О.* «Пою, когда гортань сыра, душа — суха...»

³ Ничто не считать законченным (*лат.*)

⁴ *Валери П.* Об искусстве.

«И РЕКВИЕМА МЕДЬ...»

(Из записных книжек)

Мне Моцарт что-то обещал...

С.Илличевский

* * *

Совершенно некстати вспомнился эпизод из фильма «Женщина в желтых кроссовках», который посмотрел накануне:

Столик в кафе.

Мужчина и женщина. Оба немолоды.

Мужчина:

— Чем вы занимаетесь?

Женщина:

— Пишу роман.

— О чем?

— О правильной стимуляции клитора. Мужчины в этом ничего не смыслят.

* * *

Я открываю тяжелую двойную дверь и погружаюсь в душный полумрак чужого жилища.

Две комнаты, большая неприбранная кухня. Рассыпающаяся на части мебель. На подоконнике — транзистор образца 1967 года...

Квартира нафарширована книгами. Даже в туалете — какой-то справочник. Тут можно найти абсолютно всё: от полного собр. соч. Диккенса до 6-ти томов Майн Рида (правда, в другом шкафу и в другой комнате).

* * *

Опоздав на двадцать минут, Вероника выныривает из метро. Я вручаю ей розу, и мы отправляемся в кафе с «египетскими фресками», расположенное неподалеку (раньше здесь было казино).

Не успев войти, она вдребезги разбивает стакан с яблочным соком.

— Хорошо, что не виноградный, — шепчет она.

Я пытаюсь отвлечь ее от мрачных мыслей:

— Послушай анекдот... Больной на приеме у врача. «Доктор, что со мной? Куда ни ткну пальцем — в бок, в сердце — везде адская боль...» Доктор: «У вас палец сломан!»

Вероника вежливо смеется.

Я исподтишка люблю ее нервным, чувственным ртом, потом вдруг (непонятно, почему) вспоминаю еврейский квартал в Париже, где мы год назад бродили с ней под дождем...

— Париж... — говорит она, как будто читает мои мысли. — Я себя тогда ужасно чувствовала. Всё было, как во сне...

* * *

Камень, брошенный в реку...

Круги по воде...

— Мне вот эту, зеленую.

Усталые глаза — из зеркала — не мои глаза. Какая-то чепуха. Причем здесь шляпа?

— Нет, не беру...

...Цветы-великаны. Лес одуванчиков. Белые панамки.

— Пойдем на вал. Смотреть, как поезда...

Поезда — мимо. В голубую мглу. Ромашки и поезда.

— Пойдем на вал...

* * *

Я — Иконниковой (в шутку):

— Да на тебе пахать можно. Ты здорова, как бык...

Она:

— У меня два диагноза...

Как-то спрашиваю (по дороге в гастроном):
— Иконникова, что-то никак не пойму: ты умная или глупая?

Она (не задумываясь):

— Я несчастная!

* * *

Мама сидит напротив, все еще красивая, восьмидесятивосьмилетняя. На ней синий шелковый халат. Мы пьем кофе. В этом году необычайно ранняя весна. Термометр за окном показывает +18.

— Когда ты вернешься? — спрашивает она.

— Дней через десять...

Мы оба знаем, что я говорю неправду.

* * *

В Мюнхене на первом съезде русских поэтов, живущих в Германии, куда я попал по недоразумению, некий автор, с которым до этого мы общались только по телефону, сказал: «Я думал, у вас горб, все редакторы — горбатые...»

Ему так понравилось эта шутка, что он повторил ее несколько раз, разговаривая в буфете с одной довольно известной (в эмигрантских кругах) поэтессой.

* * *

...Я стоял у окна. Сквозь частое вздрагивание листвы я вдруг увидел брата, уходящего все дальше и дальше... Несколько раз он останавливался, и тогда мне казалось, что он смотрит в мою сторону.

* * *

Из стихов Н. Курилко:

Данута,
мой ангел бездомный,
я остаюсь все такой же:
четырнадцать шагов
наискосок
по шумному залу
с бокалом шампанского,
и на губах
лепестки
помертвелой
сирени...
Данута,
проворный чертенок...

* * *

Позвонила К.: «Последний номер¹ просто ужасный...
Хуже еще не было. На каждой странице — похороны...»

З. о том же: «А почему у вас в стихах постоянно говорится о смерти? Вы что, больны?»

Да разве здоровые люди пишут стихи... В лучшем случае — плохую прозу.

В игольчатых чумных бокалах
Мы пьем наважденье причин...

* * *

Единственная книга, по прочтении которой тут же захотелось сесть и написать что-нибудь стоящее — «Женский портрет» Джеймса (недавно прочел «Плексус» Генри Миллера — то же впечатление).

---

¹ Речь идет о журнале «Крещатик».

* * *

Бульдог по кличке «Гонкур».

* * *

«...Вот и обнаружилось третье — на кого еще похож старик — да на Исаака Моисеевича, считавшего себя изобретателем калейдоскопов, только он был похудее и без ореола. Наверное, старика уже нет в живых. Никто не называл его Исааком Моисеевичем — все Ишаком Моисеевичем — но тот не слышал, а если слышал, то стоит ли обращать на дураков внимание! Глупо! И не смешно. Сам он, как выяснилось, тоже умеет использовать близкое звучание слов, но! когда это вызвано житейской необходимостью. Этот Исаак Моисеевич втравил уважаемого заведующего — Льва Вениаминовича понимающею толк в одной лишь бумаге, — открыть производство калейдоскопов. Уговор: Исаак Моисеевич, как изобретатель, будет получать с каждого выпущенного калейдоскопа одну копейку (в те времена — десять). Для начала раздобыли два мешка отходов прозрачного оргстекла. Исааку Моисеевичу поручена была покраска. Взятся он покрасить у себя дома — но развел такую вонь, что жена его выставила. И вот Исаак Моисеевич с победоносным видом притаскивает два мешка. Далее диалог с Львом Вениаминовичем: — Что это такое, Исаак Моисеевич? — Как что? Засыпка. — Но вы же сказали, что принесете — крашеную. — Нет, я этого не говорил. — Как не говорили, а что же вы говорили? — Я не говорил, что принесу крашеную, я сказал — крошеную — я три дня разбивал ее молотком. — Нет, вы сказали — крашеную! — Нет, сказал — крошеную.

Крашеную, крошеную, крашеную, крошеную, краш, крош, краш, крах, кыш, брысь!»

Александр Цыбулевский
(из книги «Владелец шарманки»)

* * *

Некто Г. в юности сочинял стихи:

Да разве можно говорить о снах,
Когда такое на дворе творится,
Что улица написана в стихах,
И кто-то странный в белое рядится...
Кто суматоху поднял среди крыш,
На горизонте вычертил деревья...

и т.д.

Теперь он работает на телевидении.

* * *

«Когда моя сестра еще не заболела болезнью Боткина, мы с ней играли на рояле в четыре руки».

* * *

При слове «Бог», как и при слове «контрацепция», меня передергивает.

* * *

Нимб порой напоминает мишень.

* * *

Где-то у Оскара Уайльда:

«Я сегодня неплохо поработал: убрал лишнюю запятую».

* * *

После Жюлья Ренара (его дневников) на протяжении долгого времени не мог заставить себя читать прозу — казалась громоздкой и ненужной, — пока однажды (в который раз!) не открыл Диккенса.

* * *

— Ты ведь еще помнишь те времена, когда двойная половинка стоила всего восемь копеек? Помнишь? «Бульонка»... «Латинский квартал»... Вечно пьяный Соханевич... Гроза Крещатика — Шаповал... Хотя и милиционер, но человек достойный, по-своему справедливый. Баба Лена, скупщица краденого:

— Ну и сколько ты хочешь за цю фигну?..

Помню, как впервые попал на Крещатик. Принц знакомил меня со своими друзьями.

— Это кто? — спрашивал я после очередного знакомства и очередной бутылки вина.

— Стукач.

— А это? — спрашивал я через полчаса о ком-то другом, с кем тоже было выпито немало вина.

— О, это большой стукач, — терпеливо объяснял Принц.

Сплошные агенты КГБ.

— А это кто? — уже под вечер, в какой-то подворотне.

— Это гениальный поэт, Николай Курилко.

— А что он написал?

— *«К чему мне равенство, когда я одинок!»*

— Это всё?

— Всё.

— А еще что-нибудь он написал? — мне как-то не верилось, что этот малый с кривым лицом, с которым мы только что выпили бутылку водки — гений.

— Еще?

— Да. Что он еще написал?

— Еще он написал стихотворение «Горы».

— Прочти.

— Оно очень короткое...

— Тем более прочти.

После долгой паузы:

— *Безмерным озарен!*

Сам Принц — не то художник, не то поэт.
Как-то договорились встретиться на Главпочтамте.
Я прождал его полчаса и ушел. Через несколько дней
случайно оказался на том же месте. Навстречу Принц:
— Привет, старик, ты меня еще ждешь?

Кто говорил о гибели идей,
Кто говорил о гибели пространства, —
Не те ли, чьих подкидышей-детей
Увидел я под крышей христианства?¹

Ну что ж, пророчества поэтов сбываются!
...Помнишь, Принц, как мы поднимались к Стефану
в его мастерскую, туда, на седьмой этаж, на «седьмое не-
бо», где вечно пьяный Поливанов колдовал над бюстом
«вождя и учителя», а Стефан шурил хитрые глазки
и торжественно, нараспев, словно заклинание, произно-
сил волшебное слово: «заказчик»? — нет ответа!

Примерно в это же время Л. Аронзон в Ленинграде
пишет одно из лучших своих стихотворений:

Несчастно как-то в Петербурге.
Посмотришь в небо — где оно?
Лишь лета нежилой каркас
гостит в пустом моем лорнете.
Полулежу, полулечу.
Кто там полуполетит навстречу?
Друг другу в приоткрытый рот,
кивком раскланявшись, влетаем.
Нет, даже ангела пером
нельзя писать в такую пору:
«Деревья заперты на ключ,
но листьев, листьев шум откуда? —

---

¹ Из стихов А. Принца.

дата написания, предположительно: ноябрь 1969 года. Впрочем, о существовании Аронсона (и о трагической его судьбе) я узнал много позже.

По утрам похмелялись в «Гроте»; пьяный Мотрич нависал над собеседником и говорил всегда одно и то же:

— Хотите, я вам хорошие стихи почитаю?

Он был родом из Харькова. Несколько лет жил в Киеве. Пил и читал случайным прохожим хриплым голосом трагические стихи:

Ночь длиннее, чем жизнь, я лежу опрокинутый звуками.
Темнота, будто Вагнер, аккорды бессмертья берет.
Возвращайся, душа, пробирайся ко мне переулками,
Я — твой лагерь, пусть радость тебя захлестнет.

Я — споревший твой дом, а цветы не растут на пожарищах.
Только пепел да гарь, только ветер в пролетах свистит.
Мы жилища найдем, мы забудем бежавших товарищей,
Ночь, играй, теснотой сжимая виски.

Пусть угарно и душно — у Вагнера хватит терпенья:
Струны болью звенят под ударом тугой темноты...
Кто-то новый придет, и подслушает звонкое пенье,
И расчистит меня, и на чистом посадит цветы.

Рядом — Коля-горбатенький с пустым стаканом в руке, с бессмысленной улыбкой на измятом лице, автор нашумевшего стихотворения:

Я геніальніш ніж Гомер,
Бо я живий, а він помер...

(интересно жив он еще или наконец сравнялся талантом с Гомером?), а также другого, не менее удачного четверостишия:

Люблю красивых женщин,
А некрасивых — нет.
Ценю в них ум тенденций
И разность многих лет.

Эти «ум тенденций» и «разность многих лет» преследовали меня потом на протяжении всей моей жизни. Еще у него была такая строка: «Моя душа лелеет к облакам».

Разве упомнишь всех!

...Как не вспомнить N, гордость Крещатика тех лет, поэта «во что бы то ни стало», бомбардировавшего издательства своими зловещими стихами: «Конъюнктивит, трахома, катаракта...» — это из больничного цикла.

Помню, как на мой вопрос, кто его любимый поэт, N произнес совершенно для меня не знакомое имя Мандельштама.

Стояла поздняя осень. Мы прогуливались возле центрального универсама, N читал стихи, ветер гнал листву по улице Ленина¹, мне казалось, что жизнь и поэзия — навсегда...

N давно в Америке. Я (кто бы мог подумать) в Германии. И только Коля Курилко по-прежнему живет в Боярке² в полуразвалившемся домике неподалеку от озера, занесенном осенью — листьями, а зимой — снегом.

Молчи, молчи, я песен не желаю,
Сегодня осень, гибели пора,
И бледный ветер сад опустошает —
Не доживет он даже до утра.

Не потревожь же осени печальной
Ни горькой песней, ни рыданием своим,
Пускай листва еще необычайней
Летит сквозь осень, словно красный дым.

---

¹ Ныне Богдана Хмельницкого.

² Николай Курилко умер весной 2004 г.

Это из его стихов, посвященных Циприану Норvidу.
Именно тогда открыл я для себя гениальную поэзию Плужника, монументальную его поэму «Галілей». Спустя четверть века я перевел ее на русский:

...И когда вдоль витрин, где огни, как в бреду,
Я иду в золотой круговерти —
Мне уже все равно — как по тонкому льду! —
Мимо жизни и смерти...

И именно в те годы попала мне в руки книга Микола Хвильового «Осінь», книга, которая потрясла меня. Позже я узнал, что Хвильовый застрелился 13 мая 1933 года. В 1970 г. (через 37 лет) тоже 13-го числа, но только в октябре, застрелился Аронзон (возможно, аналогия здесь неуместна).

И вот теперь в Германии много лет спустя я осторожно переворачиваю пожелтевшие страницы старинного издания (книга издана в Харькове в 1924 году в издательстве «Червоний Шлях») и с удивлением и благодарностью читаю:

«...І Франція, Париж. Але навіть останній скептик — Анатоль Франс покинув сумніви. Милий друже: осінь то — спостереження»¹.

* * *

Москва — тревожный город...

Спали на узкой кушетке среди книг и засушенных цветов.

Утром пили крепкий чай. Хозяйка стряхивала пепел в антикварную пепельницу и то и дело цитировала Гумилева.

---

¹ Микола Хвильовий. «Осінь». Харків, 1924.

Вероника методично ела апельсины, я думал о том, что пора уезжать в Киев, потом в Германию. Шел ровный московский снег...

* * *

1955 год. Мама везет меня в Крым. У меня астма. Я не хочу оставаться. Мы оба плачем. Отвесная стена моря.

Когда вернулся, плел всякие небылицы о Турции, о папуасах...

* * *

— Двери мешком накрытые.

— *Что, что, что?*

— Двери мешком накрытые...

— А ну-ка дай, я посмотрю... двери межкомнатные...

* * *

1953 год. Мое первое стихотворение:

Дядя Вася Калмыков,
он залез под потолок.

Мне 4 года. Дядя Вася — маляр (запойный пьяница), возможно, татарин.

* * *

Мама поет:

Чайный домик словно бонбоньерка,
с палисадником китайских роз...

— Еще, еще...

В кабаре Шенуар на Монмартре
В красном фраке танцует мулат...

* * *

Саша-Удав за стойкой в «Крещатом Яре».

— Я скоро умру...

«Разве можно такие слова произносить спокойно-но?» — думаю я.

— Через две недели, — продолжает Удав. — Почки отказали.

Он действительно вскоре умер.

* * *

— Вы не Факторович?

— Нет.

— Ну ничего, бывает...

* * *

Вчера с Мурашевским и Ядловым сидели на Дерibasовской под чудесным осенним солнцем, говорили всякую чепуху. Мурашевский без конца повторял строку (вернее обрывок строки), пришедшую ему в голову утром в туалете: «Остывает член...»

— Я обязательно напишу об этом, — приговаривал он, демонически улыбаясь.

Вернулся в Киев и тут же накатыл пародию:

Моя душа — коллизиум идей,
Фаллически зависших в мирозданье...
Вот Штирлиц — горбоносый иудей —
осуществляет важное задание.

.....

Уже оголены мечи,
уже взрываются петарды,
но ты, художник, не молчи,
пока народ играет в нарды.

Сны вещи осуществляй —
на то и созданы аэды, —
не жди признания и твердо знай:
тобой займется логопеды!

* * *

Подъезжая к Санкт-Петербургу, миновали станцию Шушары. От Витебского вокзала прямая ветка метро — сошли на площади Мужества. Там живет Игорь. Явился в двенадцать ночи, пьян и говорлив. Потащил на Невский.

* * *

— Скажіть, коли ви написали свій перший вірш?
— Свій перший вірш я написав п'ятнадцять років тому.
— А над чим ви працюєте зараз?
— Зараз я працюю над своїм другим віршем.
(*На русский не переводится.*)

* * *

Иконникова, собирая вещи и не находя книжки под названием «Всегда ли правы родители?», которую вот уже месяц таскает за собой в дырявой авоське, озабоченно бормочет:
— Куда я литературу вклала?..

* * *

Сегодня целый день бродил по Киеву. За три часа встретил одного знакомого, и тот приехал из Штатов.

* * *

К Илличевскому меня привел Зорик.

* * *

Всю ночь снилась Немирова. Вчера посмотрел «Сарабанду» Бергмана. За окном ветер. Катя говорит, что ей надоел Бремен, кругом — турки, а у меня в деревне ей хорошо. Мне кажется, я наконец начинаю стареть. Как говорил Сережа Чалый: «Молодость я просрал. Чувствую, что начинаю просерать старость...»

* * *

Лет двадцать тому назад обнаружил у Винокурова в его рассуждениях о поэзии (изданных отдельной книжкой) неточную цитату из Мандельштама. У Винокурова:

Я от жизни смертельно устал,
Ничего от нее не приемлю,
Но люблю мою бедную землю,
Потому что иной не видал.

У Мандельштама: «*Оттого* что иной не видал».

Казалось бы, невелика разница, но в варианте Винокурова поэзия отсутствует начисто.

...А вчера по ОРТ транслировали юбилейный концерт Евгения Петросяна. Ему, оказывается, уже шестьдесят. В течение нескольких часов юбиляра чествовали многочисленные персонажи «Кривого зеркала», а также Кобзон, Винокур и другие видные деятели отечественной культуры. В конце вечера распоясавшийся именинник приступил к чтению стихов Пастернака и Левитанского. Начал с первого:

Когда б я знал, что так бывает,
Когда **решался** на дебют...

У Пастернака эти строки звучат по-другому:

Когда б я знал, что так бывает,
Когда **пускался** на дебют...

Вряд ли кто-нибудь это заметил. Ну какая разница — *пускался, решался...*

Впрочем, стоит ли быть слишком строгим к Евгению Вагановичу, который, в общем-то, к поэзии не имеет прямого отношения, если даже Эдвард Радзинский умудрился в авторской телевизионной передаче о Блоке (несколько лет назад) допустить неточность, декламируя перед многомиллионной аудиторией стихотворение «Поэты». Первую же строфу он прочел неправильно:

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Здесь жили поэты, и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

У Блока: «Там жили поэты...»

Но и Петросян и Радзинский — прекрасные декламаторы.

И вот что еще интересно: ни тот, ни другой, ни поэт Винокуров ни на йоту не отошли от смысла стихов. Они лишь нарушили строй гармонии:

Касаемся крючьями малых,
Как легкая смерть, величин...

Не об этом ли писал Мандельштам:

Я так и знал, кто здесь присутствует незримо,
Кошмарный человек читает «Улялюм».
Значенье — суета, и слово — только шум,
Когда фонетика — служанка серафима...

* * *

В начале 80-х в Киев приезжал Арсений Тарковский. На одном из творческих вечеров (в доме художников?) Игорь Каплиенко передал ему записку. Тарковский записку прочел, но никак не отреагировал. Тогда Капа написал еще одну записку, в которой потребовал, чтобы Тарковский дал оценку только что присланным стихам.

— Хорошие, милые стихи, — несколько растерянно произнес тот.

Речь шла о следующем стихотворении:

Словно хор из тысячи цикад
Монотонно прошлое звенит,
И под этот аккомпанемент,
Опаленный желтым зноем лета,
Я пасу стада печальных мыслей
И топча полынь воспоминаний,
Медленно кочую в осень.

Поскольку Тарковский стихи похвалил (или почти похвалил), я со спокойной совестью опубликовал их в одном из первых номеров «Крещатика». Посмертно¹.

* * *

Честолюбие — двигатель внутреннего сгорания.

* * *

Как-то позвонила Леночка Андрианова, сочинительница маловразумительных стихов, уже не молодая женщина, с матросской походкой и плохой кожей лица:

— Ты не помнишь, что значит слово «мазумент»?

В первый момент я опешил, и только через несколько секунд до меня дошло, что слово-фантом произошло в ее отравленном никотином мозгу из двух других: «монумент» и «позументы».

* * *

Сначала пили в «Леваде». Потом переместились в «Грот». Оттуда вышли через четверть часа с бутылкой водки. Карabut с Кассандрой уснули прямо за столиком.

---

¹ Игорь Каплиенко погиб в автокатастрофе.

К вечеру в совершенно незнакомом подъезде обнаружил себя в странной компании: пожилая, но все еще красивая женщина (пьяная вдрызг), карлик и уже немолодой работник ОБХСС. Женщина прокуренным голосом пела романс «Гори, гори, моя звезда...» Карлик посапывая пил портвейн (стакан за стаканом) и закусывал маринованным чесноком. Работник ОБХСС оказался интеллектуалом — после первого же стакана водки начал читать стихи. В течение 15 минут он умудрился прочесть пространную поэму (в духе «Тамбовской казначейши») и не менее десяти лирических стихотворений собственного (по его словам) сочинения. Одно из них звучало приблизительно так:

Она сказала:
«Ты хороший, очень...»
и ушла.
А он пошел, пугая прохожих
своей огромной душевной болью.
Ты знаешь, я знал человека,
который был на луну поцелуем заброшен.
И люди видели, как в небо,
которое под мостом,
бросился человек,
перила отбросив...

* * *

Из школьных воспоминаний:

Аглая Франсовна (учительница физики) вызывает к доске ученицу 8-го класса Людмилу Корецкую.

— Что это? — вкрадчиво спрашивает заслуженная учительница республики, указывая пальцем на трансформатор, лежащий перед ней на столе.

Корецкая долго смотрит в окно, где под лучами холодного октябрьского солнца шелестит последней лист-

вой облетевший тополь, потом — так же долго — на трансформатор и, наконец, с нескрываемым отвращением произносит:

— Автотранспорт!

* * *

Кстати. У Николая Курилко было замечательное стихотворение:

Когда я выхожу на закате из дому
и вижу вдалеке
силуэт облетающего тополя
во мне возникает целый вихрь ассоциаций
я могу сравнить его с чем угодно
но чаще всего я его сравниваю
со скупым рыцарем...

* * *

Приснился сон, будто сижу за письменным столом (за окном — сад) и листаю две толстые тетрадки, исписанные аккуратным (не моим) почерком. С увлечением читаю страницу за страницей.

Утром не мог вспомнить ни единого слова.

* * *

«В 1954 году в подмосковный санаторий под Люберцами приехал отдыхать Валентин Николаевич Старгородцев, преподаватель физики из города Ямска...» — хорошее начало для фантастического рассказа.

* * *

Как любил повторять Лессинг, у прогуливающегося любая кривая — прямая.

* * *

Остановился в «Пассаже», дешевой гостинице без удобств и без горячей воды. Зато близко к центру и недалеко от моря. Добирался на такси. Внезапно машина затормозила. Шофер (мальчишка лет 18) нарушил какие-то правила. Достал документы и пошел разбираться с гаишником.

— Сейчас, только дедушку в гостиницу отвезу.

Это он обо мне, с горечью и не сразу понял я. Дедушка — это я.

* * *

Из стихов А. Принца:

Зеленый лист,
последний, может быть,
из всех зеленых...
На сером тротуаре —
оброненной монеты бренчанье...
Как пусто!
И только кто-то ходит по деревьям...

* * *

Вордовский редактор подчеркнул слово «долюбить» (по всей вероятности отсутствующее в его словаре) и в качестве одного из возможных вариантов предложил слово «долбить».

* * *

Иконникова: «Пришли могилокопы и стали копать могилу».

Она же: «Штудируют почву».

* * *

Валера Вофси (в прошлом художник) вот уже несколько лет не может устроиться на работу. Недавно

явился в театр оперетты в отдел кадров и говорит: «Хочу у вас поработать сторожем». А ему отвечают: «Вы не подходите — у вас слишком интеллигентное лицо».

* * *

Я стоял у «Латинского». Слева по курсу нарисовался Зорик с сиреневым потрепанным журналом «Москва»¹ в кармане пальто.

Мир качнулся и куда-то пропал.

...Первое, что сделал по приезде в Киев (много лет спустя) — купил пиратскую копию «Мастера и Маргариты». Затаив дыхание, стал смотреть.

Вдруг голос Иконниковой:

— «Мастера» кто написал? Достоевский?

* * *

Последние лет 7–8 имею дело, в основном, с текстами. Иногда слышу голоса (по телефону). Время от времени некоторые авторы присылают по электронной почте свой профиль (или анфас). И уж совсем редко (несколько раз в году) кое-кто из виртуальных собеседников материализуется — тогда я имею сомнительное удовольствие общаться с живым (и не всегда умным) человеком.

* * *

Обсуждали с Петром возможное название нашего предполагаемого совместного издательства. Я сказал, что было бы неплохо, если бы оно начиналось на букву «А», в этом случае во всех каталогах и справочниках оно стояло бы в самом начале. На следующий день звонок:

— Я придумал название: «Армагеддон».

---

¹ Роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» был впервые опубликован в журнале «Москва» в 1966–1967 годах.

* * *

«Я делю испанцев на две неравные части. Одна — маркиз де Брадомин, другая — все остальные».

Рамон Валье дель Инклан, «Сонаты»

* * *

В юности стеснялся того, что сочиняю стихи. Когда с кем-нибудь знакомился, говорил: грузчик, полотер, ювелир, на худой конец.

* * *

...Курилко, Принц, Сердюкова, Стефан, Сережа Мамаенко, Фугалевич, Кот, Мама-Жанна, Гриша Хорошилов...

«И я уйду, приемля формы сна,
Как гордый сгусток медленного света...»¹

* * *

«...Но лучше всего в Балаклаве в феврале — те же самые рыбаки на набережной, что и сто лет назад. И много пустоты и ветра. Зимующие лебеди и бродячие собаки у причалов».

* * *

Из Николая Курилко:

Луна, твои желтые струны
поют под дыханием птиц.

И девушка в бронзовом платье
над миром о чем-то грустит.

---

¹ Из стихов Г. Хорошилова.

Колеблются бледные струны,
ночные мерцают глаза...

Ладони мне кровь обжигает,
о звезды дробятся слова.

О, девушка в бронзовом платье,
ты слышишь, как плачет Земля?

* * *

Прочел в интернете:

«Когда американский астронавт Нейл Армстронг ступил на поверхность Луны, первое, что он произнес, было: “Желаю успеха, мистер Горски!” Фраза означала вот что: ребенком Армстронг случайно подслушал ссору соседей — семейной пары по фамилии Горски. Миссис Горски распекала мужа: “Скорее соседский мальчишка слетает на Луну, чем ты удовлетворишь женщину!” И вот на тебе, совпадение! Нейл действительно полетел на Луну!»

* * *

Вспомнился Деревянкин (Борис Кононенко).

Лет сорок тому назад зависли мы как-то с Эмилом Голубом на Оболони, на кухне у моей первой жены, в результате чего появилась на свет следующая «бессмертная» поэма:

ДЕРЕВЕНИАДА

Сизый нос, румяные глаза —
нет, не Фуга... Черт возьми, так кто же?
Над Крещатиком плывет гроза,
в гастрономе спокойно тоже.

И пока волнуется народ,
перед колбасой благоговя,

боком, боком, мимо бакалеи
Дервянкин медленно идет.

Как всегда один, почти без денег,
без пальто, ну чем не семьянин?
О, очаровательный бездельник,
улицы Песчаной¹ гражданин!

Как печально и полу-прощально,
полу-без-очков, из дальних стран
ты идешь — легко и гениально, —
полу-дерево, полу-стакан.

А на Ярославской² поутру,
на вопросы отвечая невпопад,
он разоблачает ЦРУ
популяризируя поп-арт.

.....

Уже четвертый час строптивый гунн
чужую дерибанит четвертинку...
Так варят сталь, так делают чугуны,
так пестик всматривается в тычинку.

* * *

Все хотят быть гениями, никто не хочет прозябать
в безвестности. И я не хочу.

Какое мне дело до того, что Державин за два дня до
смерти написал на аспидной (грифельной) доске:

Река времен в своем стремленьи... и т. д.

* * *

Третью ночь подряд снится совершенно голая Неми-
рова с сигаретой в губах и книгой в руке. Я сижу напротив
на табуретке. Она с выражением читает «Приглашение на
казнь» Набокова.

---

¹ В Киеве на улице Песчаной находился вытрезвитель.

² См. выше.

— Хочешь чаю? — спрашиваю я.
— Нет, — отвечает она. — Лучше мартини.
— Со льдом? — спрашиваю я.
— Нет, — отвечает она. — Без льда.

Я протягиваю ей бокал. Она делает глоток, затем говорит:

— Как тебе Набоков?
— Не очень... — говорю я и просыпаюсь.

* * *

«Я беру пустяк — анекдот, базарный рассказ, и делаю из него вещь, от которой сам не могу оторваться...»

И. Бабель. Автобиография (1924)

* * *

Какая прекрасная оговорка: Осип Леонидович.

* * *

Ефрейтор Фрейд.

* * *

В один из своих приездов в Киев встретил возле Дома офицеров Николая Троха. Неподалеку (на Шелковичной) находилась его мастерская.

Он пригласил в гости. Едва вошли, сказал:

— Живи, сколько хочешь. Только блядей не води, соседи стучать любят.

В юности Трох работал слесарем на заводе. Потом переквалифицировался в фотохудожники.

При первой же встрече, еще не видя его работ, я распознал в нем гения.

— Пить будешь? — задумчиво спросил он, доставая из бумажного кулька бутылку водки.

— Нет, — как можно тверже ответил я.

— А я буду, — строго сказал он.

Налил, выпил. И стал рассказывать очередную историю «из жизни».

— Нужно было слоган придумать... Для рекламы... Что-то вроде «Виагры»... Сидят, думают... И так и сяк... Не выходит... Я говорю, мужики, чего вы мучаетесь?.. Напишите просто: «Допоможи бажанню!»¹

* * *

Мне кажется, стихотворные строфы некоторых поэтов похожи на венозные трофические язвы.

Трофические язвы русской поэзии.

* * *

«Я сажу в баре, среди бела дня, поэтому наедине с барменом, который рассказывает мне свою жизнь. Почему, собственно? Он говорит, а я слушаю, пью заодно и курю, жду кого-то, читаю газету. Вот как дело было! — говорит он, моя стаканы. Он вытирает вымытые стаканы. Да, говорит он еще раз, так было дело! Я пью — я думаю: человек что-то испытал, теперь он ищет историю того, что испытал...»

Макс Фриш, «Назову себя Гантенбайн»

* * *

С утра, едва проснувшись, Мудозвонов направляется в туалет, потом — в ванную, где с отвращением разглядывает себя в зеркале (мешки под глазами и пр.), чистит зубы, причесывает остатки седых волос. Затем подходит к письменному столу, включает компьютер и в течение получаса сочиняет несколько (не менее пяти) стихотворений. Стихи тут же размещает в Фейсбуке, после чего возвращается в ванную и там, жадно вглядываясь в зеркало, произносит наконец свою будущую речь нобелевского лауреата.

---

¹ Помоги желанию (укр.).

* * *

«Человек — пастух бытия...»
Хайдеггер

* * *

Прочел в интернете в курсовой работе, посвященной творчеству Довлатова:

Несмотря на тот факт, что в грамматической литературе пока еще нет единого и полного определения парцелляции, практически все ученые едины во мнении о том, что, будучи синтаксическим процессом, парцелляция получает всё больше распространения, а, следовательно, ее изучение представляет собой актуальную проблему в современных исследованиях.

Интересно, что сам Довлатов написал бы по этому поводу?

* * *

Начинающий стареть поэт.

* * *

«Там такие санатории, такие санатории — одно стекло и кибернетика...»

* * *

«Кирилловна, представляете, сижу на кухне, читаю Трифонова, а она ходит и пердит...»

* * *

Единственное, чего он добился в жизни — бросил пить.

* * *

Из Экклезиаста: «От лени потолок провисает...»

* * *

«...За два месяца до смерти он стал наконец владельцем собственной квартиры, но так и не успел в нее въехать. У него случился инфаркт, потом второй, третьего он не пережил. За три недели до смерти Кайдановский женился...»

Андрей Плахов

* * *

Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли!

А.С. Пушкин

«Вероятно, никогда столько сочувствия людям не изливалось разом в одном — таком маленьком — стихотворении. Плакать хочется — до того Пушкин хорош».

Абрам Терц, «Прогулки с Пушкиным»

* * *

Не пой, красавица, на мне...

* * *

Звоню другу-поэту. Говорю:
— Вчера стихотворение написал, посвятил жене. Ей понравилось.

Друг в ответ:

— Это ничего не значит!

* * *

Лаоконичный стиль.

* * *

Сергей Илличевский о Наташе Грубер: «Не грубер будет сказано». О Бальцере: «Бальцер за свободу».

* * *

Фамилии: Химерик, Зубэ и Винярский.

* * *

...Я люблю стройных, длинноногих марксисток с чекистским прищуром тяжелых распутных глаз, изощренных (и извращенных) коммунисток с кавалерийской осанкой, люблю их лебединые шеи и тонкие пальцы, аромат их духов, напоминающий о смерти; их грудной голос по-прежнему волнует меня...

* * *

Вспомнился разговор с матерью, случившийся много лет назад:

— Боря, вынеси мусор.

— Я занят.

— Чем?

— Я пишу рассказ.

— О чем?

— Я не знаю. Я пишу пока только первую фразу.

— Разве можно так долго писать одну фразу?

* * *

Объявление

Меняю пожилого племянника на молодую жену.

* * *

Поцелуи звонкие, как поспевающая морковь.

* * *

Люблю вычеркивать лишние слова. Беда в том, что для этого их нужно сначала написать.

* * *

Карлик приходит в библиотеку и просит дать ему словари. «Какие?» — спрашивает библиотекарь. — «Мне все равно, — говорит карлик, — я на них сижу».

* * *

За 3 года до смерти Тургенев пишет стихотворение в прозе «Старуха»:

Я шел по широкому полю, один. И вдруг мне почувдились легкие, осторожные шаги за моей спиной... Кто-то шел по моему следу. Я оглянулся — и увидел маленькую, сгорбленную старушку, всю закутанную в серые лохмотья.

.....

«Могила! — сверкнуло у меня в голове. — Вот куда она толкает меня!»

.....

«Ах! — думаю я... — эта старуха — моя судьба. Та судьба, от которой не уйти человеку!»

.....

Старуха стоит позади, в двух шагах от меня. Я ее не слышу, но я чувствую, что она тут. И вдруг я вижу: то пятно, что чернело вдаль, плывет, ползет само ко мне! Боже! Я оглядываюсь назад... Старуха смотрит прямо на меня — и беззубый рот скривлен усмешкой... — Не уйдешь!

* * *

«Лучше перенедопить, чем недоперепить», как говорил Фугалевич.

* * *

Ударь по венам
Ибупрофеном!

* * *

Фамилии:

Быкодоров
Дворецкая
Топоногов
Вздоров
Картавцева
Небыков
Халвицкий
Клара Шох
Инна Галс
Игорь Плохов

* * *

Одни — развратные кокетки,
другие — синие чулки...
А мне по нраву людоедки,
их губы, зубы, коготки.

Еще, строптивые красотки,
до вашей доберусь красы,
со стройных ног сорву колготки
и в ключья изорву трусы.

И вдруг замру в недоуменье
пред видом строгой наготы...
Мне кажется: еще мгновенье
и мной позавтракаешь ты.

* * *

Мания преследования постепенно перерастала в теорию относительности.

* * *

Покойный Борис Хазанов часто спрашивал меня:
— Боря, вы пишете что-нибудь?
— Нет, — отвечал я.
— Плохо, — говорил Хазанов, — надо писать.
— Геннадий Моисеевич, не пишется...

— А вы напишите «рыбу». Что-нибудь, не важно, что... о чем-нибудь... Потом само пойдет.

Мне кажется, моя жизнь напоминает эту «рыбу», но времени для того, чтобы переписать ее набело, уже нет.

* * *

Одинокая арфа трамвая.

* * *

Отыскал в Интернете новеллу Шервуда Андерсона «Погибший роман», чем-то напомнившую мне «Неведомый шедевр» Бальзака.

Шервуд Андерсон один из моих самых любимых писателей. «История рассказчика» шедевр. Говорю это без обиняков. Как, впрочем, и многие другие книги, например, «Сонаты» Рамона дель Валье-Инклана.

Как распознать шедевр? Очень просто. Если сразу после прочтения книги возникает непреодолимое желание прочесть ее снова — это верный признак того, что у вас в руках шедевр.

* * *

Много лет назад в каком-то литературном журнале прочел рассказ американского писателя (фамилию забыл). Рассказ назывался «Ожидание». Сюжет прост: пожилой невзрачный клерк ухаживает за такой же немолодой и некрасивой женщиной, живущей с матерью. Они оба ждут, когда мать умрет, тогда они смогут пожениться. Как-то вечером влюбленный клерк проходит мимо ее дома и видит траурную процессию. Кого-то хоронят. Он подходит ближе и с ужасом осознает, что умерла не мать, а его возлюбленная.

* * *

«Какие должны быть стихи? Чтобы, как аэроплан, тянулись, тянулись по земле и вдруг взлетали... если и не высоко, то со всей тяжестью груза. Чтобы

всё было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а всё вместе слегка двоилось. Чтобы входило, как игла, и не видно было раны. Чтобы нечего было добавить, некуда было уйти, чтобы “ах!”, чтобы “зачем ты меня оставил?”, и вообще, чтобы человек как будто пил горький, чёрный, ледяной напиток, “последний ключ”, от которого он уже не оторвётся. Грусть мира поручена стихам».

Г. Адамович

* * *

«Дождь бормотал что-то по брезенту...»
Аркадий Белинков. «Черновик чувств»

* * *

Я живу на Корнштрассе, слева от моего дома находится переулок Гегеля, справа — Канта.

* * *

Целлофановый хруст зубов.

* * *

С удивлением обнаружил свою фамилию в «Дневнике» Эдмонда и Жюля Гонкур:

«— А что это за птица Марковский? — спрашивает Флобер.

— Марковский, мой дорогой, был сапожником, — говорит Сен-Виктор. — Он самоучкой научился играть на скрипке и, тоже самоучкой, танцевать, а потом принялся устраивать вечеринки с участием девиц, адреса которых он давал желающим. Бог благословил его усилия: Адель Куртуа уделила ему кой-кого из девок, и теперь он владелец того дома, где он живет».

* * *

Ночью снились кошмары: КГБ, милиция... Встал, попил воды. Иконникова разлеглась на диване по диагонали, храпит.

Утром проснулся — никого. Августовское уже осеннее солнце, на душе тихо, светло...

* * *

Тавтологический сквозняк.

* * *

Стараюсь писать каждый день, но странное дело: количество страниц не увеличивается, а жизнь стремительно идет к концу.

* * *

Хочется невозможного — услышать по телефону: «Ну как дела?»

* * *

Из стихов Сергея Илличевского:

«Мне Моцарт что-то обещал,
и реквиема медь
меня облепит,
и повелит, как в летописный бред,
уйти от смерти в *lento*...
О, в медленный озноб
оркестра, начинающего петь
вступает некто,
некто в сером,
как дирижера тень,
как капюшон без веры...
Ом!
Звуку подобны смертные!
.....
О, реквием!
О, реквием этернум!»

РАССКАЗЫ

УРАВНЕНИЕ ДИРАКА

I

Себастьян проснулся, как всегда, рано. Только-только начинало светать. Заварил чай и подошел к окну.

По ту сторону окна хозяйничал дождь. Он цеплялся за последние, еще не опавшие, листья, ударялся об асфальт, разбивался вдреизг о крыши домов.

Страшно хотелось есть, однако в холодильнике было пусто. Правда, на нижней полке завалялось куриное яйцо, но не делать же яичницу из одного яйца, подумал Себастьян и неожиданно для себя вспомнил четверостишие, сочиненное им год назад в день рождения Эммы, пышногрудой соседки из квартиры напротив:

Я до сих пор в кругу ровесниц
среди множества прекрасных лиц
встречаю *«пожилых прелестниц»*¹,
охотниц до крутых яиц.

Эмма работала парикмахером, писала эротические рассказы и, несмотря на почтенный возраст, все еще думала о женихах.

II

Лиля ушла в четверг. Аккуратно сложила вещи, взяла несколько книг («Сонаты» Рамон дель Валье-Инклана, «Женский портрет», что-то еще, в том числе «Историю рассказчика» Шервуда Андерсона) и уехала на дачу к матери.

---

¹ Гораций, «Эподы».

«Надеюсь, больше не увидимся», — уже из-за дверей услышал он.

Она жила в придуманном мире. Иногда ему казалось, что она сумасшедшая. Впрочем, все мы сумасшедшие, подумал Себастьян. И все боимся в этом признаться. Самим себе, не говоря уже о других.

Он раскрыл томик Акутагавы и прочел наугад:

Сумасшедшие были одеты в одинаковые халаты мышиного цвета. Большая комната из-за этого казалась еще мрачнее. Одна сумасшедшая усердно играла на фисгармонии гимны. Другая посередине комнаты танцевала или, скорее, прыгала. Он стоял рядом с румяным врачом и смотрел на эту картину. Его мать десять лет назад ничуть не отличалась от них. Ничуть... В самом деле, их запах напомнил ему запах матери...¹

Дождь утих. Себастьян подошел к письменному столу и написал на листке:

Мать родилась в Кременчуге, воспитывалась в детском доме, пережила блокаду, была на фронте.

Когда умирала, он вдруг увидел, как по ее левой щеке скатилась слеза. «Как ты себя чувствуешь?» — все-таки спросил он. «Я умираю», — ответила она.

III

Он вспомнил Валенсию, куда они прилетели вместе с отцом. Там, в Кафедральном соборе, он впервые увидел картину Эль Греко «Святой Себастьян». Двухметровый холст поразил его воображение. Нечеловеческой мощью веяло от фигуры святого.

---

¹ Рюноске Акутагава, «Жизнь идиота».

Себастьян, как будто всё это произошло только вчера, отчетливо услышал отцовский голос:

— Фамилию Теотокопулос было невозможно выговорить. Отсюда прозвище: Эль Греко. К двадцати двум годам он уже имел статус мастера. В 1577 году переехал в Мадрид, потом — в Толедо, где умер в возрасте семидесяти трех лет...

А еще к своему огромному удивлению Себастьян узнал от отца о том, что Эль Греко отзывался о Микеланджело не иначе как о человеке, совершенно не умевшем рисовать.

IV

Они прожили с Лилей восемь лет. Себастьян любил переименовывать ее имя на разные лады, говорил: Лили, с ударением на последнем слоге. Ей это совсем не нравилось.

Поначалу она была влюблена в него, но очень скоро любовь прошла. К тому же она была почти на пятнадцать лет младше Себастьяна.

Еще до свадьбы она придумала ему прозвище: Стёба. Позже, увидев на журнальном столике роскошно изданный альбом, стала называть именем великого художника:

— Эль Греко, пошли домой!

Или:

— Эль Греко, у меня совсем нет денег.

Когда он будил ее среди ночи, требуя ласк, сквозь сон шептала:

— Стёба, уймись! Мне завтра рано вставать.

Он до сих пор не знал, как ему быть: плакать или смеяться оттого, что ушла жена. Слез не было, а улыбался он все реже и реже. В последний раз это случилось с

ним, когда он наткнулся в Сети на афоризмы ныне покойного премьер-министра. Фраза «Секс — это тоже форма движения» повергла его в шок. Вот у кого нужно учиться писать прозу, подумал он.

V

Его манили к себе мелькающие цифры и белый шарик, подпрыгивающий навстречу крутящемуся колесу.

Несмотря на то, что Себастьян уже много лет играл в рулетку, он до сих пор не мог понять, как устроено казино, нет ли во всем этом какого-то подвоха.

Он не любил проигрывать. Однажды в Берлине он двенадцать раз поставил на красное и ни разу не выиграл. Больше он в Берлине не играл.

Себастьян не раз замечал: когда его, как огромная морская волна, накрывала полоса везения и он начинал слишком часто угадывать цифры и сложные комбинации, происходила замена крупье, и везение заканчивалось. Совсем, как в жизни, успокаивал он себя.

Как сказал Верницкий, подслеповатый седой старик, много лет проработавший крупье, выиграть в казино можно только *поймав кураж*. В этом состоянии измененного сознания появляется уверенность в абсолютной правоте принимаемых решений. Но длится это недолго.

VI

Страсть к сочинительству порочна уже по самой своей сути, подумал Себастьян и тут же, не отходя от компьютера, подкрепил сомнительный тезис наспех написанным четверостишием, посвященным тщете и бренности человеческого бытия:

Не плоды ненужных сущностей,
не ходи вокруг да около,
все мы неживые, в сущности,
всех настигнет бритва Óккама.

Затем набил в поисковике «бритва Оккама», и углубился в чтение:

Если что-то можно сделать разными способами, лучше сделать проще.

Поэтому не умножайте сущности без нужды. Всё, что можно зарезать бритвой Оккама без ущерба для дела, должно быть зарезано. На то и бритва. Проектируя что-либо, по возможности лучше минимизировать число элементов. Будь то здание, транспортное средство, оружие (или рассказ, подумал Себастьян).

Одно из преимуществ простоты: так надежнее. Бойся лишних элементов.

Самая надежная деталь в механизме — та, которой в нем нет.

VII

— Мне нужны деньги.

— Возьми у мамы.

— Она *столько* не даст.

— А зачем тебе *столько*?

— Хочу шубу.

— Ты не забыла, что мы с тобой в разводе, и что ты поклялась больше никогда не брать у меня денег?

— Сколько можно об этом говорить? Ты все время говоришь о деньгах. Ты можешь говорить о чем-нибудь другом? О поэзии, например? Или о театре?

— Это не я, а ты все время говоришь о деньгах! Это тебе нужны деньги.

— Да, мне нужны деньги! На шубу!

На этом разговор прервался. Бросила трубку, подумал Себастьян.

Он вспомнил трагические строки из «Триумфальной арки» Ремарка, книги, которую любил и часто перечитывал:

«Ни один человек не может стать более чужим, чем тот, кого ты в прошлом любил. Рвется таинственная нить, связывавшая его с твоим воображением. Между ним и тобой еще проносятся зарницы, еще что-то мерцает, словно угасающие, призрачные звезды. Но это мертвый свет. Он возбуждает, но уже не воспламеняет — невидимый ток чувств прервался».

И еще он вспомнил, как много лет назад (в той, другой, теперь уже навсегда утерянной жизни) поэт и начинающий драматург Марат Калибеков говорил ему, разливая по стаканам дешевый портвейн: «Старик, послушай. Не читай Хемингуэя! Не читай! Это плохой писатель. Я тебе больше скажу: он вообще не писатель!» И, допив очередной стакан, добавлял не терпящим раздражений тоном: «Хемингуэй — это Ремарк для плебеев», после чего отодвигал стул, преграждавший дорогу к выходу, и с победным видом исчезал в неизвестном направлении в поисках ключа от туалета.

VIII

Уравнение, за которое Дирак получил Нобелевскую премию, описывает феномен квантовой запутанности, суть которого сводится к следующему: если две системы взаимодействуют друг с другом в течение определенного периода времени, а затем отделяются друг от друга, их можно описать как две разные системы, но они уже существуют как иная уникальная система.

Это квантовая запутанность, или квантовая связь.

Две частицы, которые в какой-то момент были связаны, связаны навсегда. Несмотря на расстояние между ними, даже если они находятся на противоположных концах Вселенной.

То же самое происходит с людьми.

IX

В теории вероятностей есть понятие несвязанных событий. Это означает, что исход одного события никак не влияет на исход другого. Если вы бросаете два кубика, выпавшие числа не связаны между собой: один кубик не влияет на поведение второго. Если же вы тянете из колоды две карты, то эти события взаимосвязаны, поскольку от первой карты зависит то, какие карты останутся в колоде.

ПЕРПЕТУУМ-МОБИЛЕ

I

Несмотря на сильнодействующее снотворное, Сергей Геннадьевич Ферапонтов, в прошлом летчик-испытатель, ныне пенсионер, проживающий на улице Гоголя, дом 5, квартира 8, не мог уснуть до трех часов ночи. Сна не было ни в одном глазу. Он бесцельно бродил по комнатам, с головой укутывался одеялом, изучал гипсовые узоры на низко свисающем потолке и лишь под утро, вконец измученный, смог забыться в тяжелом тревожном сне.

Странный сон приснился ему: будто он заходит в незнакомый дом и в течение нескольких часов распивает шампанское с двумя абсолютно голыми девицами, после чего возвращается на съемную квартиру и там, на пороге, обнаруживает пустой кошелек, в который три дня назад (он это хорошо помнит) положил четыре тысячи долларов.

Проснулся Ферапонтов в холодном поту. Запутавшись в простыне, едва не упал, пробираясь к компьютеру. Набил в поисковике ключевое слово «потеря» и прочел вслух:

«Потерять парик, будучи подшофе, и вернуться за ресторанный столик без него предвещает, что вам окажут услуги, приняв за другую особу».

«Бред собачий!» — подумал Сергей Геннадьевич, который, несмотря на полное отсутствие волос, к парикам относился с некоторым предубеждением, и стал читать дальше:

«Потерять руку или ногу — сулит богатство и процветание».

Ферапонтов окончательно расстроился, в основном из-за того, что потратил драгоценное время на чтение заведомой ерунды, и пошел в душ, насвистывая на ходу Венгерский марш Берлиоза.

II

Простудировав книгу Якова Перельмана «Занимательная физика», купленную по случаю на книжном рынке одиннадцать лет назад, Сергей Геннадьевич решил резко изменить свою жизнь. С тех пор как он вышел на пенсию, одна-единственная мысль не давала ему покоя. Перпетуум-мобиле! Вот что теперь волновало его ум. Вечный двигатель! Вот на что он потратит оставшиеся годы.

Ферапонтов прочел множество научных статей (благо Интернет был под рукой), обложился учебниками по физике (Рымкевич) и химии (Гольдфарб, Ходаков), освоил (правда, с третьей попытки) пятисотстраничный труд Зельдовича «Высшая математика для начинающих» и наконец, как утопающий в океане, ухватился за «Курс дифференциального и интегрального исчисления» Фихтенгольца. Но чем больше он приобретал знаний, тем отчетливее понимал, насколько далек от цели.

III

...Прошло несколько лет. Сконструированный им вечный двигатель не работал.

Ферапонтов сложил в огромную матерчатую сумку многочисленные, теперь уже никому не нужные, металлические детали: разных размеров шестеренки, медные трубки, болты, зубчатые колесики, погрузил сумку на тележку и, тяжело вздохнув, повез сдавать в пункт приема металлолома.

Во дворе никого не было. Только у подъезда на скамейке сидели две старухи; одна поздоровалась с ним, другая, подозрительно покосившись на тележку, резко отвернулась и закричала:

— Света-а, домой!

Света, девочка лет пяти, одиноко сидевшая в песочнице, ловко орудовала совочком и лопаткой, пересыпая песок в ведерко.

— Бабушка, я еще не закончила, — прокричала она в ответ.

Ферапонтов поравнялся с девочкой и присел неподалеку. Тележка была тяжелая, и он сильно устал.

— Тебя как зовут? — спросила девочка.

— Сергей Геннадьевич, — ответил Ферапонтов. — А тебя?

— А меня Света. А что у тебя в сумке?

Ферапонтов задумался и тихо произнес:

— Перпетуум-мобиле.

— Что-что? — не поняла девочка.

— Вечный двигатель.

— А чего он двигает?

Но Ферапонтов уже не слышал вопроса.

ПЕРЕВОДЫ

Die Einsamkeit ist wie ein Regen...¹

R.M. Rilke

Одиночество как дождь... (нем.)

Р.-М. Рильке

Райнер Мария РИЛЬКЕ

В старом доме

Я в старом доме; тишина.
Всю целиком, как на ладони,
я вижу Прагу в медальоне
распахнутого вдаль окна.

Закат давно уже погас,
лишь вдалеке, мерцая скупю,
вздымает свой волшебный купол
загадочный *Sankt Nikolas*.

Звезда над городом горит,
как будто свет зажегся в храме,
как будто в старом доме «*Amen*»
мне тихий голос говорит.

На Малой Стране

В каждом каменном изгибе
древних башен — боль и трепет, —
узкий двор себе на гибель
навсегда забыл о небе.

Лестничных амуров сразу
узнаёшь по жалким позам;
высоко на крышах в вазах
лепестки роняют розы.

Есть калитка там. Кто знает,
что́ за слово удивленно
солнце по складам читает
там, где слезы льет мадонна?

Дворянский дом

Дворянский дом с причудливым фронтоном,
весь в готике, как шрифт на обелиске.
Пустынный двор и в нем — булыжник склизкий,
и лампа тусклая — в стекле оконном.

Сизоголовый голубь клювом старым
стучит в окно, как дятел или плотник;
здесь ласточки гнезятся в подворотнях:
здесь — колдовство, здесь — колдовские чары.

У Святого Вита

Люблю собора мрачный вид,
дремучий лес его фронтона,
здесь каждое окно, колонна
о сокровенном говорит.

Поблизости роскошный дом,
эротика — его основа,
а рядом готика сурово
молчит и крестится с трудом.

Теперь понятен анекдот;
в сравнении не вижу фальши:
старик аббат, за ним, чуть дальше —
красотка медленно идет.

У капуцинов

Добрейший патер Гвардиан
мне предлагает рюмку водки,
такой, что судорога — в глотке,
глоток — и мертвый будет пьян.

Он ищет ключик от ларца
с сокровищем. Не взял ли кто-то?
Нашел! нашел! И капли пота
стекают с жирного лица.

Наполнив рюмки в третий раз,
он каламбурит: «Все мы — гости;
однажды сгинем на погосте,
но — дух! — останется от нас».

Вигилии

I

На землю тихо сходит сон,
лишь я не сплю один;
вдоль тихих улиц бродит он,
вдоль гаснущих витрин.

Блаженная вигилия!
Ночь ходит здесь и там;
луна, ночная лилия,
плывет по небесам.

II

Когда б я мог соединить их,
небесный свет и свет окна;
в серебряных холодных нитях
опять запуталась луна.

Всё, как бы скрыто поволокой;
там, у вселенной на краю,
лишь тусклый свет звезды далекой
оправдывает жизнь мою.

III

Ночь теряет стрелы, щит,
значит, не сберечь их.
Лампа на столе трещит
тихо, как кузнечик.

Свет струится золотой;
там на книжной полке —
чудеса, волшебник злой,
сказочные волки.

Когда наступает весна

Трава блестит под солнцем ярко;
земля весенняя согрета;
мелькнула первая карета
в аллеях парка.

И, где вчера лишь ворон каркал,
один, среди морозных елей, —
сегодня птицы вдруг запели
в аллеях парка.

Весенний ветер слишком жарко
ласкает гипсовые плечи;
всё те же поцелуи, речи —
в аллеях парка.

* * *

Вдали от города, один,
лежу в траве густой;
ручей журчит меж двух осин,
и дуб шумит листвою.

Волшебный лес, суровый край —
он трогает до слез...
И слышно мне: «Не забывай
дубов, осин, берез».

В предместье

Старуха в черном, что жила над нами,
она мертва. — Но кто она? — Бог весть!
У нищих нет имен, а если есть —
какой в них прок? Бог с ними, с именами...

Внизу пылятся траурные дроги.
Дверь заколочена; ну что ж, пора!
Гроб с руганью выносят со двора,
едва не уронив среди дороги.

Унылый кучер трогает и, вскоре
забыв про смерть, орёт: «Черт побери!»,
как будто там лишь жалкий гроб внутри,
а не вся жизнь ее — любовь и горе.

* * *

Здесь воздух затхл, как в комнате больного,
где смерть исхода терпеливо ждет;
на мокрых крышах — отблеск дня иного,
как от свечи, что через миг умрет.

Есть даже в смерти некий промежуток:
вот ожил лист, и — всё, и был таков...
И, как над лесом стая диких уток,
ползет по небу стая облаков.

* * *

Ночь залегла в глубинах парка,
и звезды кротко светят нам;
луны серебряная барка
плывет к далеким берегам.

Фонтан рассказывает сказку,
как будто грезит наяву, —
почти без звука, глухо, вязко
упало яблоко в траву.

А от холмов, где кем-то щедро
гряда дубов наклонена,
уже летит на крыльях ветра
дух виноградного вина.

* * *

Над белым замком хлопьев хоровод.
В пустынных залах — ледящий холод.
Повсюду — смерть. И край стены отколот.
И снег лежит от окон до ворот.

Повсюду — снег. На крыше — серый лед.
То — смерть моя вдоль белых стен крадется
в продрогший сад... Она еще вернется
и стрелки на часах переведет.

Венеция, I

Чуждый говор. Мы — в гондоле.
Город в сумрак погружен.
Лодка движется там что ли
мимо мраморных колонн?

Тишина. Лишь гондольеров
смех звучит. Весло поет...
Из каналов темно-серых
ночь огромная встает.

Черный след волной изрезан,
колокола дальний звон.
Снится мне: я — мертвый цезарь
в день державных похорон.

* * *

Здесь, что ни день — один и тот же сон:
здесь дети спят, уткнувшись в звездный полог,
здесь старики, чей век — увы! — недолог,
глядят из окон строго, как с икон.

Здесь, что ни день — один и тот же сон:
вечерний звон над полем тихо льется,
и девушки, сгрудившись у колодца,
в смущенье ждут, когда растает он.

Не туча ли закрыла небосклон?
Нет, это липа машет мне ветвями
и вдаль зовет... Так дни летят за днями,
и, что ни день — один и тот же сон.

Осень

Листва летит с деревьев и с небес,
чтобы очнувшись на оконной раме,
пролепетать: «Не так ли будет с вами?»

Так и земля, как мотылек на пламя,
летит сквозь ночь звезде наперерез.

Вот так же падает, скрывая страх,
из рук твоих — заковка или скрепка...

И все же есть Один, кто держит крепко
паденья наши в бережных руках.

Матери

Уже почти как тень бесплотна,
уже почти совсем одна, —
ликуй, о жено! Ты – свободна,
теперь ты будешь спасена.

Прислушайся: досель безмолвный,
в твоей душе растет прибой, —
молись, о жено! Это — волны
любви иной.

Порой она чувствует: жизнь — как река,
бушующая в половодье,
как бешеный шквал оборвавший поводья,
деревья ломающий наверняка, —
порой она знает об этом...

Сегодня
под вечер, как вышла (над крышей звезда
так низко склонилась к заросшей ограде),
подумала вскользь: «И чего это ради?»
и медленным жестом, скупым как всегда,
седые поправила пряди.

Осенний день

Над нами — время. Лето — позади.
И тень Твоя уже на циферблате,
вот-вот пойдут осенние дожди.

Еще хоть несколько таких недель!
Так целой жизни оказалось мало,
чтобы допить — уже со дна бокала —
вина осеннего тяжелый хмель.

Кто одинок — тот будет им и впредь.
Кто счастья ждет — тот не увидит счастья,
тот будет вздрагивать, ломать запястья,
бродить в аллеях парка и смотреть,
как листья падают в часы ненастья.

Суровый час

Если кто-то плачет сейчас в ночи,
без причины плачет в ночи,
он плачет обо мне.

Если кто-то смеется сейчас в ночи,
без причины смеется в ночи,
он смеется надо мной.

Если кто-то вдруг заблудился в ночи,
без причины заблудился в ночи,
он идет ко мне.

Если кто-то сейчас умирает в ночи,
без причины умирает в ночи:
он смотрит на меня.

Теодор ШТОРМ

Осень, I

Значит скоро осень, если
Птицы за море летят.
Ласточки и те исчезли.
Опустел наш старый сад.

Ветер, понимая это,
Трогает последний лист.
Что поделать, если лета
Дни так быстро пронеслись?

И уже в тумане тает
Некогда счастливый лес.
Дня надолго не хватает —
В быстрых сумерках исчез.

Только раз еще сквозь тучи
Солнечный пробьется луч;
Это Бог на всякий случай
Шлет нам радость из-за туч, —

Чтоб ее хватило на год,
Чтобы все, кому не лень,
После долгих зимних тягот
Встретили весенний день.

Георг ТРАКЛЬ

Лето

К вечеру смолкают жалобы
Кукушки в лесу.
Низко клонится пшеница
И красный мак.

Черная туча надвигается
Из-за холма.
Песня кузнечика
Затерялась в траве.

Мертвенно-неподвижна
Листва каштанов.
На винтовой лестнице
Шумит твое платье.

Тихо горит свеча
В темной спальне;
Серебряные пальцы
Гасят ее;

Безветренная, беззвездная ночь.

Джоанне

Эхо твоих шагов
Тонет в глухих переулках.
Вижу: прозрачная тень,
Мелькнула в саду.

В сумерках старого сада,
Молча, сию за бокалом вина.
Капля крови
Стекает с твоего виска

В поющий хрусталь
Час бесконечной тоски.
От далеких созвездий веет холодом —
Снежный ветер пронизывает листву.

Нехотя умирает
Ночь в глубине человека.
Твой пунцовый рот,
Живет во мне, как открытая рана.

Ах, если бы я мог оторваться
От зеленых холмов и саг
Нашей родины,
Которую мы так часто забываем —

Кто мы? Невнятный лепет
Одинокого ручья,
Запах лесной фиалки,
Распустившейся в феврале.

Мирное лето в деревне,
В котором уместилось детство
Целого поколения,
Или умирающие на вечерних

Холмах седовласые внуки,
Которым снятся ужасы, —
Это сходит с ума наша ночная кровь...
Тени в каменных городах.

Альфред ЛИХТЕНШТЕЙН

Сумерки

Мальчишка, грязный с ног до головы,
Над голым деревом клочок тумана.
У неба вид, как у больной вдовы,
Когда заканчиваются румяна.

Держась за костыли, одетые в рядно,
Два жутких старца двигаются к храму.
Поэт напротив выпрыгнул в окно,
И чья-то лошадь уронила даму.

Из коридора слышен чей-то плач.
Юнец о пылкой женщине мечтает.
Угрюмый клоун надевает плащ.
Кричит ребенок, и собака лает.

Христиан МОРГЕНШТЕРН

Парабола

1

Ты знаком с фигурой полонеза,
когда пары поднимают руки,
образуя ими как бы арку?

Где, идущая последней пара,
замыкая строй, в тоннель вступает,
чтобы снова оказаться первой?

Что ж, теперь понять совсем не трудно,
почему о смене поколений
всякий раз я думаю при этом:

точно так же пара дряхлых старцев
вдруг ныряет из рядов последних,
чтобы снова всё начать сначала...

2

Два твои зрачка взрывают полночь,
как глаза огромной дикой кошки,
в тишине звучит твой властный голос,
как у дикой своенравной кошки,

от твоих волос исходят искры,
как от шерсти злой, голодной кошки,
твои пальцы, словно когти кошки
глядят лоб мой нежно и коварно.

Молодая ласковая кошка,
когда тайно ты ко мне приходишь,
ночью на чердак — кого ты ищешь?
Ах, кота... Но здесь живет философ.

3

Я из породы птиц, и потому
мне близко только то, что за горами:
дорога, пересекающая тьму,
далекий лес и небо с облаками.

Летя над садом, на пустую ветку
сажусь без страха и пою без слов
простой мотив, но золотую клетку
уже готовит хитрый птицелов.

О, сколько их, волшебниц молодых,
шептало мне — так проходили годы —
«Не уходи!» — но ни одна из них
не заменила сумрачной свободы.

Германн ГЕССЕ

Без передышки

Сердце, птаха, что с тобой?
Всё твердишь свои вопросы:
Скоро ли минуют грозы?
Скоро ли придет покой?

О, я знаю: и в аду
Успокоимся едва ли,
И в раю найдем беду,
Ту, что раньше не встречали;

И опять в который раз,
Всё завертится по кругу
В шевеленье звездных масс,
В притяженье их друг к другу.

На севере

Хочешь знать, о чем мечтаю?
Будто в молодости ранней
Вижу солнечную стаю
Желтых скал и белых зданий.

Белый город в дымке синей,
Город мраморных окраин,
Вдруг предстал, как на картине,
То — Флоренция, я знаю.

Там в саду, заглохшем, старом,
Где стучит от ветра ставень,
Счастье ждет меня задаром,
Что когда-то я оставил.

Элеонор

Вдруг осенью я вспомнил о тебе —
Леса стоят во тьме, сам по себе
День вдруг погас за дальними холмами.
Какой-то звук доносится с небес, —
Не ветер ли раскачивает лес
С безлиственными деревьями?

Ночь подступает; стали вдруг видны
На небе звезды; бледный серп луны
Неярким светом землю озаряет
И равнодушно смотрит сверху вниз
На сонный лес и на лепной карниз,
Что плотно к крыше прилегает.

Зимой, когда за окнами темно
Становится, и снег стучит в окно,
И страшный ветер сад ночной тиранит, —
Рояль звучит, и с чудною тоской
Мне прямо в сердце льется голос твой,
И, словно нож, мне сердце ранит.

Тогда вдруг к лампе тянется рука,
Неверный свет плывет издалика,
И твой портрет в тяжелой старой раме
Грустит, как встарь, под бременем надежд —
Тогда целую край твоих одежд
И на колени падаю, как в храме.

Гавот

Две скрипки в городском саду
Поют в два голоса, и пары
Кружат, как лебеди в пруду —
Всё тот же, тот же танец старый.

Ах, этот бедный старый сад,
Он знает: было всё иначе
Каких-то двадцать лет назад,
Но это ничего не значит.

Пауль ЦЕЛАН

Песня в пустыне

Черный венок из обугленных листьев я сплел
на окраине Акры:
там я скакал на коне и потом заколол его шпагой.
Из деревянной посуды пил пепел колодезный Акры,
и на восток по развалинам неба шел медленным шагом.

Просто ангелы умерли, просто Бог вдруг ослеп
в окрестностях Акры,
нет никого, кто бы сон мне вернул и покой
подарил мне.
Месяц — прекрасный цветок — он растоптан
в окрестностях Акры:
руки шипами цветут и сплетаются в бешеном ритме.

Что ж, напоследок, склониться в поклоне, когда
они молятся в Акре...
О, как непрочна кольчуга у ночи — кровь каплет
из раны!
Брат ваш смеющийся, ангел железный из Акры,
всё еще имя твердит, и всё еще помнит тот отблеск
багряный.

Воспоминание о Франции

Повторяй за мной: небо Парижа, огромный
осенний безвременник...

Помнишь, на цветочном базаре мы покупали сердца:
они были голубыми и расцветали в воде.

Вдруг в нашей комнате закапал дождь,
пришел сосед, месье Ле Санж, печальный карлик,
мы сели играть с ним в карты, я проиграл зрочки,
ты одолжила мне волосы, я проиграл их,
он встал и вышел.

Дождь, как слуга последовал за ним.

Мы оба умерли, но мы могли дышать.

Гюнтер АЙХ

Конец лета

Кто проживет без утешения деревьев?

Как хорошо, что они умирают вместе с нами!
Персики собраны, сливы меняют окраску,
меж тем, как время шумит под аркой моста.

Последним птицам я вручаю свое отчаянье.
С каким достоинством они летят.
Их треугольник
просматривается сквозь листву,
движение крыльев обещает осень.

Это называется терпением.
Скоро и мы прочтем письмо на птичьем языке.
Под языком лежит холодный пфенниг.

Где я живу

Когда я открыл окно,
в комнату вплыли рыбы,
сельди. Казалось,
большая стая рыб проплыла мимо моего окна.
Кроме того рыбы резвились в саду под грушами.
Но, в большинстве своем,
они держались поближе к лесу,
там, где был карьер с гравием.
Это утомляло. Однако еще более досаждали
матросы
(также высоких рангов, штурмана, капитаны),
которые чуть ли не каждую секунду подходили к окну
и просили огня для своих трубок
с отвратительным табаком.
Я решил переехать.

Инвентаризация

Это — моя шапка,
это — мое пальто,
это — моя бритва
в холстяном мешке.

Консервная банка:
моя тарелка, мой кубок,
на ее блестящей жести
я нацарапал свои инициалы.

Я нацарапал их вот этим
драгоценным гвоздем,
который всегда прячу
от завистливых глаз.

В сумке для хлеба —
пара шерстяных носков
и еще кое-что, о чем
я не скажу никому,

на что я кладу по ночам
свою голову.
Папка для бумаг
лежит между мной и землей.

Графитовый стержень
мне особенно дорог:
днем он записывает стихи,
которые я придумал ночью.

Это — мой блокнот,
это — моя плащ-палатка,
это — мое полотенце,
это — моя иголка и нитки.

Длинные стихотворения

Нормы поведения

Скажите ему,
что он должен держать вилку в левой руке,
а нож — в правой.
Для одноруких — недействительно.

Осторожность

Зацвели каштаны.
Я принимаю это к сведению,
но ничего при этом не говорю.

Твердая уверенность

Я знаю, что в Салониках
есть человек, который читал мои стихи,
и — в Бад Наухайме.
Итого — двое.

Оптика

Когда ослабевае зрение
мы подходим почти вплотную,
чтобы разглядеть лица друзей.

Мы надеваем очки,
пользуемся контактными линзами
и с удивлением замечаем

совсем близко
грязь
под ногтями наших врагов.

Топография прекрасного мира

Напрасны мечты о том,
что стоны праведников
приближают светлое будущее:
Берегитесь! вы, чей голос дрожит от умиления,
у кого радостно бьется сердце,
когда пытки прекращаются
на несколько минут раньше, чем обычно.

Будьте благословенны, кладбища!

Арьергард

Вставай, вставай!
Не время расслаживаться,
известие пришло до рассвета.

Пора собираться в дорогу, как другие.
Они оставляют пустые дома и спящие улицы
под защитой луны. Разве защитит их луна?

Когда мы пишем слова — безмолвие водит нашей рукой.
Влага испаряется из каналов,
и дорожные указатели вращаются, как флюгера.

Когда мы вспоминали о дорожных знаках любви,
узнаваемой в поверхности воды и в веянье снега!

Пойдем, пока мы не слепы!

Бедное воскресенье

Бедное воскресенье.
Торопливые стихи о том,
как облако дыма приобретает форму автобуса,
о поредевшей листве кленов,
о тайном свидании.

Бедное воскресенье.
Улицы окрашены в голубые тона,
на каждом углу — качели,
в музее Утешений
язвительно улыбающееся солнце
демонстрирует танцующую пыль.

Бедное воскресенье,
час торжества,
час отсутствия потаенных желаний,
в мертвом угле
все паруса подняты и с набухшими
сосцами — в здорвьe.

Послание дождя

Слова, обращенные ко мне,
барабанят по шиферным и по кирпичным крышам
от дождя к дождю,
волочась,
как застаревшая болезнь,
контрабандный товар,
который не хочется иметь при себе —

С той стороны окна — звучащий подоконник,
пляшущие буквы соединяются в слова,
дождь говорит
на языке, который
понятен только мне —

Пораженный, я вслушиваюсь в его бормотание,
в котором отчетливо различаю
возгласы отчаянья,
проклятья, жалобы
и бесконечные упреки.
Всё это раздражает меня,
так как я не чувствую за собой никакой вины.

Тогда я громко говорю,
что не боюсь дождя,
что мне не страшны его угрозы
и, что в скором времени
я выйду на улицу, и мы поговорим с ним начистоту.

Эй!

Где загораются огни
прохожу я никем не видимый.
Ты ничего не узнаешь обо мне из писем
и в стихах меня — нет.

В последний раз бьют часы
для вас, для всех.
Ты больше не встретишь меня,
пока я не позову.

Присутствие

В различные дни виденные мною
тополя Леопольдштрассе,
всегда осенние,
всегда в паутине тумана и солнца
или в паутине дождя.

Где ты, когда идешь со мной рядом?

Всё та же паутина прошлых времен
прежде и в будущем:
жизнь в пещерах,
эпоха троглодитов,
горький привкус колонн Гелиогабала
или отеля святого Морица.
Древние пещеры, бараки,
где начиналось наше счастье,
наше бедное счастье.

Пожатие твоей руки, которая мне отвечает,
архипелаг, цепь островов, наконец, песчаная отмель,
неуловимые очертания
сладоности единения.

(Но ты ведь — в моей крови,
как эти камни возле садовой ограды,
как эти пожилые мужчины, отдыхающие на скамейках,
как шум трамвая, проходящего мимо,
как анемоны,

изнемогающие от тяжести капель
и влажности твоих губ —)
И снова эта паутина, которая нас опутывает,
невозможность присутствия,
умирающая любовь,
доказывающая случайность наших встреч,
поредевшая листва на тополях,
напоминающая о муниципалитете,
осень в канавах
и ответы на все вопросы любви.

Конец августа

Животами вверх плавают мертвые рыбы
между ряской и прибрежными камышами.
У ворон есть крылья, поэтому они не боятся смерти.
Порой мне кажется, что Бог
благоволит лишь к крошечной улитке.
Он мастерит ей дом. Нас он не любит.

Белые облака пыли тянутся вечером за автобусом,
везущим футбольную команду с соревнований домой.
Месяц запутался в ивовых кустах
в обнимку с вечерней звездой.
Бессмертие, ты где-то рядом, в межкрылье
летучих мышей,
в ярком свете прожекторов,
спускающихся с холма.

Предзимье

Забудь
о теплом молоке,
о первом снеге.
Формуляры не могут больше ждать.

Травяной газон — в бугорках кошачьих могил.
Моя дочь с нетерпением ждет зимы:
еще немного и она вырастет из своих коньков.
Почтовый ящик на входной двери стал вдруг
слишком велик.

По утрам я беру уроки игры на фортепьяно,
учиться музыке никогда не бывает поздно.
Улыбающийся крестьянин
идет по снегу, оставляя следы.

Рабочий кабинет

Ни одну из этих книг я уже не прочту.

Мне вспоминаются
письменный стол из бревен, оплетенных соломой,
книжные полки из необожженного кирпича.
Боль остается, даже когда образы уходят.

Я хотел бы закончить свою старость
в зеленых сумерках вина,
без разговоров. Есть из оловянных тарелок.

Взгляни на мой стол! Там, в тени —
желтеет старая карта Португалии.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ СБОРНИКА «В ТРЕХ ШАГАХ ОТ СНЕГОПАДА»

Случайные строфы

1. «Зима всю ночь рисует на стекле...» 7
2. «Нам не хватает фауны и флоры...» 8
3. «Здесь повсюду глыбы льда...» 9
4. «Ветер. Снег. Светло и пусто...» 10
5. «Ветер. Ночь. Забор. Качели...» 11

Поэты

1. «Увы, никто не позовет...» 12
2. «Друзья, прошу, не исчезайте...» 13
3. «Иерархические бредни...» 13
4. «Ветхозаветная картина...» 13

Стансы.....14

«Похоже, осень за окном...»... 16

«О, ангел мой...»... 17

«Каллиграфическая осень...» 18

«Еще не сказанное слово...» 19

Семья Марковских

I. «Семья Марковских в полном сборе...» 20

II. «Платье лимонное из крепдешина...» 21

III. «Осень, отстань! Сатанинская щедрость листвы...» ...22

IV. Старые фотографии 23

V. «Брат мой, куда ты? Там плотный, как ватман, туман!...»...24

VI. «Вот и двери состарились, и обносились портьеры...».....25

VII. «На задворках Европы, в крестьянской глуши...» 26

VIII. «Неподалеку — кладбище. На холм...» 27

IX. «И если память мне не изменяет...» 28

X. «Когда уходят те, кого мы любим...» 29

XI. «Так внезапно ушла...» 30

**ИЗ СБОРНИКА
«ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ»**

«День прожит без труда и без труда забыт...».....	33
В конце пути	
1. «Раздарил, растерял, не сберег...».....	34
2. «Вдруг — тихий голос, шелест крыл...».....	34
3. «Вернитесь, — я кричал, — куда вы?..».....	35
«Разве ты — настоящий писатель?..».....	36
Кафе «Мороженое».....	37
«Снова снег заслонил тишину...».....	38
«Мне больше не нужны слова...».....	39
«Не пишешь, не пишешь, не пишешь...».....	40
«Подарил колечко...».....	41
«Снегопад, снегопад...».....	42

**ИЗ СБОРНИКА
«ВРЕМЕНА ГОДА»**

«Листая страницы...».....	45
«Я у дороги выпрошу прощенье...».....	46
«Вот, кажется, осилил ремесло...».....	47
«Я поселю тебя в стихотворенье...».....	48
«Давно так плодотворно не молчалось...».....	49
«Прощай, расшатанный покой...».....	50
«Две параллельные прямые...».....	51
«У судьбы неразборчивый почерк...».....	52
«Здравствуй, юность моя безоглядная!..».....	53
«Строки стремительная ересь...».....	54
Улицы.....	55
Времена года.....	56
«Мой доверчивый палисад...».....	57
Берег	
1. «Улыбнись — жизнь ушла безвозвратно...».....	58
2. «И нежность в сердце утвердилась...».....	58
«Никаких украшений...».....	59
«Слагать стихи — нелепая забава...».....	60
«Ночь непробудна, бездонна, тиха...».....	61
«Откажи себе во всём...».....	62

**ИЗ СБОРНИКА
«DUM SPIRO SPERO»**

«Как громко мы, молчим, как тихо спорим...»	65
«Жизнь вывернута наизнанку...»	66
«Я должен многое успеть...»	67
«А время старится, течет, струится...»	68
«На ипподроме — флаги...»	69
«Как строят дом, как разбивают сад...»	70
«Я болен. Осенью ли, прозой...»	71
«Пока дышу — надеюсь...»	72
«А осень безнадежно хороша!...»	73
«Искуства разветвленный ствол...»	74

**ИЗ СБОРНИКА
«ПОСТСКРИПТУМ»**

«Каждый день — одно и то же...»	77
«"Крапива" — красивое слово...»	78
«Мы завершаем жизни круг...»	79
Мне имени не вспомнить твоего	
1. «Мне имени не вспомнить твоего...»	80
2. «Мне имени не вспомнить твоего...»	81
3. «Мне этот сон еще не раз приснится...»	82
Поэт	83
«Две женщины за шахматной доской...»	84
«Я получил твое письмо...»	85
Памяти О. М.	86
«В траве ржавеют изумруды...»	87
«Стихи с немецкого перевожу...»	88

**ИЗ СБОРНИКА
«СТИХИ НИ О ЧЕМ»**

Ночь в Амстердаме	91
Сервантес	92
«Жизнь давно позади, не пора ль наконец повзрослеть!...» ..	93
«Куда же ты?.. Купаясь в светотени...»	94
Поэма о вечной печали	95
«Перерезал пуговину...»	96
«Не молчи, не молчи, разговаривай...»	97
«Как я живу — не спрашивай о том...»	98

**ИЗ СБОРНИКА
«ЗМЕИНЫЙ КОРЕНЬ»**

«Сгорает запад постепенно...»	101
Пригород	
1. «Невзрачные дома...»	102
2. «Здесь дом стоял, а там стоял сарай...»	102
3. «Кусты крапивы вдоль забора...»	103
«Многоугольное окно...»	104
«Проступая из тьмы законной...»	105
«Изоггалась, изверилась — из ада...»	106
«Скажи мне правду, друг-карабус...»	107
Памяти Мандельштама	108
Новогоднее	110
«Сперва, уча язык фарерский...»	111
Дорожные зарисовки	
1. «Кто там с ветром говорит...»	112
2. «Это осень, нырнув за калитку...»	112
3. «В лесу осеннем канделябры...»	113
4. «Все больше склоняюсь к молчанию...»	113
«Прощай, просодия ветвей!..»	114
«Я прожил столько зим и лет...»	115
«Самое время молчать...»	116
«Всуге листву рисую, всуге захлеб живу...»	117
«Как в небе вдруг взойдет звезда...»	118
По чужим лекалам. <i>Пародии, подражания, стилизации</i>	121
Скиталец с набережной Анжу	147
Черное солнце Мандельштама	179
«И реквиема медь...»	205

РАССКАЗЫ

Уравнение Дирака	241
Перпетуум-мобиле	248

ИЗ НЕМЕЦКОЙ ПОЭЗИИ

РАЙНЕР МАРИЯ РИЛЬКЕ

В старом доме	253
На Малой Стране.....	254
Дворянский дом	255
У Святого Вита	256
У капуцинов	257
Вигилии.....	258
1. «На землю тихо сходит сон...»	258
2. «Когда б я мог соединить их...»	258
3. «Ночь теряет стрелы, щит...»	259
Когда наступает весна.....	260
«Вдали от города, один...»	261
В предместье	262
«Здесь воздух затхл, как в комнате больного...»	263
«Ночь залегла в глубинах парка...».....	264
«Над белым замком хлопьев хоровод...»	265
Венеция, I.....	266
«Здесь, что ни день — один и тот же сон...»	267
Осень	268
Матери	269
Осенний день	270
Суровый час	271

ТЕОДОР ШТОРМ

Осень, I	272
----------------	-----

ГЕОРГ ТРАКЛЬ

Лето	273
Джоанне	274

АЛЬФРЕД ЛИХТЕНШТЕЙН

Сумерки.....	276
--------------	-----

ФРИДРИХ ГЁЛЬДЕРЛИН

Дубовая роща..... 277

ХРИСТИАН МОРГЕНШТЕРН

Парабола

1. «Ты знаком с фигурой полонеза...» 278
2. «Два твои зрачка взрывают полночь...» 278
3. «Я из породы птиц, и потому...» 279

ГЕРМАНН ГЕССЕ

Без передышки 280
На севере..... 281
Гавот..... 283
Элеонор 282

ПАУЛЬ ЦЕЛАН

Песня в пустыне 284
Воспоминание о Франции..... 285

ГЮНТЕР АЙХ

Конец лета 286
Где я живу 287
Инвентаризация 288
Длинные стихотворения 290
Оптика..... 291
Топография прекрасного мира..... 292
Арьергард..... 293
Бедное воскресенье 294
Послание дождя 295
Эй! 296
Присутствие..... 297
Конец августа 299
Предзимье..... 300
Рабочий кабинет..... 301

**Борис
Марковский**

БЕРЕГ

Избранное

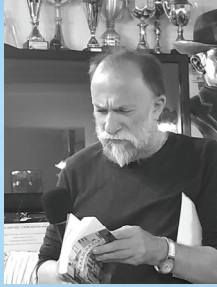
*Дизайн обложки Н. Миронов
Оригинал-макет Б. Марковский*

Издатель и изготовитель:
ФОП Лопатина О.О.

Свидетельство субъекта
издательского дела
ДК № 5317 от 03.04.2017

www.publishpro.com.ua
тел.: +38 044 501 36 70

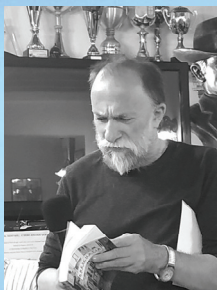
Формат 66x88 ¹/₁₆
Усл. печ. л. 19,4.
Заказ 73 от 22.09.22

Борис МАРКОВСКИЙ
Поэт, переводчик, издатель.
Родился в Киеве. С 1994 года
живет в Германии. В 2002 году
в издательстве «Алетейя» (СПб.)
вышла книга стихов и переводов
«Пока дышу, надеюсь». В 2006 году
в том же издательстве — книга
«В трех шагах от снегопада».
С 1998 года главный редактор
международного литературного
журнала «Крещатик».

Борис МАРКОВСКИЙ
Поэт, переводчик, издатель.
Родился в Киеве. С 1994 года
живет в Германии. В 2002 году
в издательстве «Алетейя» (СПб.)
вышла книга стихов и переводов
«Пока дышу, надеюсь». В 2006 году
в том же издательстве — книга
«В трех шагах от снегопада».
С 1998 года главный редактор
международного литературного
журнала «Крещатик».

Борис МАРКОВСКИЙ **БЕРЕГ**

Борис
МАРКОВСКИЙ

БЕРЕГ